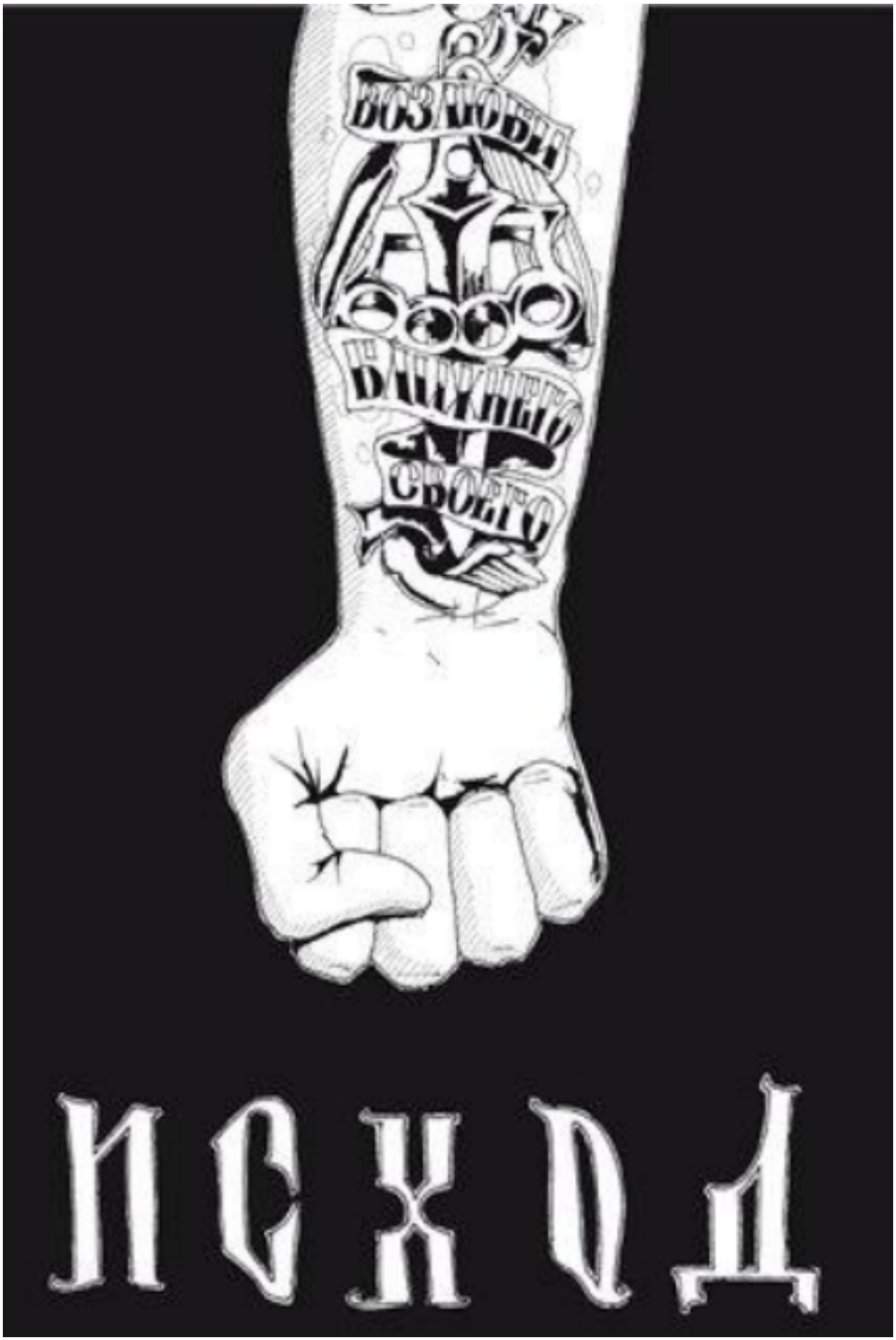
ВОЗЛЮБИ
ВЛАСТЬ
ВЫШНЕГО
СВОЕГО
ИСХОД

ИСХОД

Очень сильно печет солнце. Голубое небо и вода в море – цвета синьки, как в детстве. Мы поднимаемся вверх по холму, в старый город, туда, где, извиваясь каменными драконами, раскидала свои кольца древняя крепостная стена. Вокруг полно заброшенных домов, их нельзя ни сносить, ни ремонтировать, в большинстве из них живут цыгане. Мы тоже ищем себе новый дом. Вверх, вверх по брусчатой маленькой улочке, почти забрались на вершину и нашли.

Небольшая, аккуратная беленькая вилла, два этажа, виноградник, веранда. Проверили свет – есть, проверили воду – тоже есть, людей – никого. Приехали-нашли.

Поставил кресло на веранду. Жара, на дворе декабрь. Внизу – черепичные крыши, гавань, залив и снежные горы на горизонте. Среди хлама в доме нашлись книги на неведомых языках и пустая тетрадь в линейку – я в ней пишу. Мне очень давно не хотелось ничего писать, а теперь – хочется. Мне это надо. Я расслабился и просто записываю картинки, одну за другой, как они всплывают из памяти. Они жили во мне все это время, населяли и мучили меня, я не мог ни о чем думать, кроме них. Теперь, я делаю эти записи, и с каждой страницей один из демонов, что повисли, сцепившись, над моей головой, покидает меня, обретает себе новую оболочку – на бумаге. Чем дальше я пишу, тем легче мне становится, я перекладываю все свои страдания на эти листы, а они, как всегда, все стерпят. Мне действительно становится легче, я вспоминаю, чтобы забывать.

Мы сидим с Женей на квартире у подруг в Петрограде. За окном валит снег, мы грустим. Мы уехали из родного города, с которым нас связывало так много. Женю наконец прищучил наркоконтроль, у его квартиры слежка. Рома пошел к нему в гости – его отпиздили в машине, потом он два часа приседал голый, чтобы из него выпал героин. Теперь мы здесь, я уколол его в вену, Женя доволен. Дамы поят нас, у меня настроение поговорить о серьезном, погрустить. Я ставлю на проигрывание сборник романсов Вертинского.

«Тебе давно надо было сменить место жительства, Евгений. Ты обязательно должен был либо сесть либо умереть от передоза, если бы остался в Москве».

«Ты помнишь, как я чуть не умер в Петрозаводске?»

«Да, ты тогда чуть не сдох, мы еле тебя нашли. Ездили на наших автобусах по всему городу, потом смотрю – ты у светофора стоишь и

глаза закатил. Я так и не понял, зачем ты тогда принял 15 капель».

«Ну, я решил попробовать, как-то само получилось. Свой выбор я давно уже сделал. Ничего не помню, помню только, очнулся в автобусе, рядом ты, и все парни, а сердце вдруг останавливается. И тишина. Я бью себя по груди, изо всех сил, один, второй раз. Заработало… Прекардиальный удар, первая помощь».

«Первая помощь – хороший удар по ебалу. Мы так часто приводили людей в чувство на работе. Православнее боксеры говорили – «Искушение».

«Помню, я спрашивал Федю, откуда у него те шрамы на всю бровь. Он говорит:

«Как-то раз, подрался пьяный, отпизидили до бессознания. Меня доставили в «пьяную травму» - травматологическое отделение для невменяемых. Ночь, я очнулся на железном столе от того, что мне грубо, как собаке, какой-то мужик зашивает бровь и курит прямо над моим лицом. Мне больно, я пьяный, первая реакция – дал ему по ебалу. Тут такие мужики, в белых халатах, как холодильники, со всех сторон набежали, так меня отхуячили, пиздец, выкинули на мороз. Пять утра, еле дошел до метро, ничего не понимаю, вся одежда деревянная от засохшей крови. Нет денег на билет. Старуха у турникетов говорит: проходи, сынок, из пьяной травмы опять…» У него было полно таких историй».

«Да, мы еще, я помню, лет 5 назад ехали в Киров, он всю дорогу рассказывал о своей работе, все эти заводы. Как они играли в цеху в карты пьяные, а проигравшего подвешивали на крюк к крану и катали над мартеновскими печами. Тот визжит, поджаривается, все веселятся… Как через ванны с кислотой на спор прыгали. Еще про фартуки, ты знаешь?»

«Нет».

«Это он на фабрике работал, там, в столярном цеху, если напился на работе, делали так: у них были брезентовые фартуки, его одеваешь, прихуячиваешь гвоздями к станине и уже не упадешь! Начальник смены заходит проверять – весь цех стоит прибитый…»

«Да, четко. Он работал так лет с 14…»

«Ну да, я часто думаю, что… и он сам говорил… что он поднялся нормально в жизни. Что судьбой ему было уготовано постоянное прозябание, исполненное нищеты и говна, а так он прожил веселую жизнь, поднялся в ней. Говорил: встретил одноклассника, тот работает в какой-то конторе, в дешевом пиджачке, улыбается все время, целый час рассказывал, как купил себе новый велотренажер, какой он

классный, хвалился. А Федя уставший, на отходняках, после работы еще, тот его спрашивает – а ты чего достиг? Федя заебался и напрямую: «Тренажера у меня нет, живу бедно, вот вчера, зато, на Рязанском Проспекте бил человека ведром, тот на скорой уехал…»

«Как мы не сели все только, одного не пойму».

«Ну, мы не сели, вот, в Питере сейчас Вертинского слушаем, Федя в могиле, Коля за решеткой… каждому свое, как говорится».

«Да, вот Коля вообще непонятно, как все эти годы гулял… как мы тогда обдолбались, у метро словили приход, прыгнули на модников каких-то, он со стволом, я с мачете. Пиздец, как мексиканские бандиты, отходили в метро, спина к спине, махали оружием, менты все попрятались».

«Вы уже в розыске все давно были, а все исполняли… ствол еще этот, он все время из него палил. Входит ночью в вагон метро пьяный, достает ствол и кричит: «За Сталина!» Все пассажиры – нахуй из поезда…»

«Или как мы в магаз пошли пьяные, он напиздил водки, коньяков, изо всех карманов торчат бутылки. Подходим на кассу, Коля платит за жевательную резинку, тут у него из куртки прямо на ленту падает пистолет. Он извинился, взял жевачку и ушел, охранники просто расступились..»

«Это как повезет, не всегда. Прошлым летом в такой же ситуации он ебанул охранника стендом с сигаретами, раскроил ему башку, потом башку разбили Коле… Всю ночь возил его по травмпунктам..»

«Да, это все был беспредел, как будто ему уже было наплевать на все».

«Ну и действительно, терять ему нечего: нищая семья, родители – пенсионеры. Что ему было делать? Грузчиком он работать не хотел.. Да и я ведь тоже, сколько ни работал – все впустую, нормально я поднимаюсь только тогда, когда плохо лежит или когда само в руки идет. Вот, например, не работал весь последний год, делал все эти концерты, а денег было больше, чем когда бы то ни было. И интересно, и почет, и финансы, и работать не надо… Такие были вечеринки этим летом, просто отлично…»

«Да, я тогда тоже отлично напродавал на этих вечеринки…»

«Оно и видно, с ума все сходили, резали друг друга ножами, «розочками», били кастетами своих же знакомых, ночью люди в костры падали, поджаривались… Утром дождь пошел, люди ползали голыми в грязи, музыканты играли в настоящем болоте! Вот это рок-н-ролл!

Или как зимой, в доме культуры, я делал концерт, подбегает ко мне директор, весь красный, кричит: «Что за хуйня, мы так не договаривались! Ребята колются прямо в вестибюле!» Вот отлично было…»

«Да и здесь все то же самое можно было бы… Обживемся в Питере, будем мутить всякое… не соскучимся».

«Нет, ты как хочешь, а я - все. Для меня все это кончилось. Федю убили – у меня в один момент, как пелена с глаз, я был в мороке каком-то и прозрел. Ничего больше не хочу, не надо, достаточно. Концерты, выезда, драки, кутеж, веселье – все, это ничего не значит теперь для меня. Я больше так не смогу».

Он пришел ко мне из ночных черных окон, из тьмы бесконечных московских зим. Он открыл окно и вошел в мое испуганное детское сердце, и сказал:

«Вот, ты обречен. Все будет очень плохо, твоя жизнь будет бессмысленной нескончаемой пыткой тебе и неприятной обузой окружающим. Ты будешь терпеть, потом будут терпеть тебя, это не кончится никогда. Так Я сказал.

Но вот, ты можешь сделать иначе, преклонись Мне, служи, предайся полностью Моей воле, и Я сделаю твою жизнь такой, как Я сам захочу. В ней будет много отчаянного, тупого, четкого, мерзкого… У тебя ничего не будет своего, я все дам тебе, что захочу, чтобы ты имел. В нестяжательстве, ты будешь только побираться и воровать. Со временем, Я буду использовать тебя все больше, ты станешь любимой фигурой в Моей игре, но, однажды, Я променяю тебя, раздавлю и выброшу в мусор. Так будет, доверься Мне».

И я остался с Ним, он вошел, угрозой и страхом, в мое сердце навсегда, я поклонился Ему и принял в себя. Через несколько лет я решил, что Он – это Господь Бог. Мне остается надеяться на это и теперь...

Скажите мне, почему? Почему? Для себя я знаю точно, почему.

Этот парень, он неплохо одет, скромно, со вкусом. Аккуратная стрижка, волевые черты лица, выглядит атлетически, занимается спортом, уверенный взгляд карих глаз. Он не из всех этих модных пидорков, он серьезный, хороший парень – сильный, смелый, нормальный мужик. Он расчетлив, но любит азарт, момент и кураж игры. Нос с небольшой горбинкой – сломали в драке, этот парень не понаслышке знает вкус крови на губах, он всегда готов постоять за себя и близких. У него много друзей, среди них он пользуется заслуженным уважением. Много подруг, которые любят его за то, что

в нем есть что-то опасное, рискованное, что-то мужское, чего так не хватает в обычных городских парнях. Он увлекается, страстно играет, легко тратит деньги, легко выкручивается из сложных ситуаций, он еще молод, но уже очень опытен. И серьезен, он хороший парень, у него есть правильное представление о том, как надо прожить свою жизнь. Не только красиво, с задором, веселыми девчонками и шальными друзьями, но вдумчиво, так, чтобы не было стыдно за бесцельно проведенные годы молодости. Надо знать, понимать. Надо любить свою страну, уважать отца и мать, защищать свои жизненные принципы, не злоупотреблять алкоголем, найти хорошую девушку, создать семью, воспитать детей. Все сделать как надо, красиво прожить красивую жизнь, на одном дыхании.

Вот этот парень стоит вечером у магазина, и я подхожу к нему сзади. В растянутом свитере, в грязных кроссовках, неаккуратно выбритая «под ноль» голова, подростковые усы, прыщи на всем лице, гнилые зубы. Через секунду этот отличный парень превратится в кусок говна, обрезок железной трубы сделает из его головы кровавый фарш. Зубы, куски кожи, кровь во все стороны. Я двоечник с последней парты, меня презирают одноклассники, я бухаю и дрочу. У меня впалая грудь, рахитичное пузо, я предрасположен к астме, плохое сердце. Никогда не было нормальной работы, никогда не было папы, никогда не было девушки, через секунду я отомщу этому пидрасу за все эти годы, за всю мою жизнь, за всех таких же, как я, придурков, за убогих, за больных, за детей из семей бюджетников, за тупых, инфантильных, за всех неудачников, которые составляют охуительный процент населения нашей страны. Я буду бить его по голове обрезком железной трубы за всех нас, и в этом будет что-то от святости. Или в святости всегда есть что-то от этого.

«Дети ментов ненавидят ментов!» - в 2005 мы все поехали зимой в Рязань на электричках, был мороз, все просто охуели. Пришли в заброшенный кинотеатр, местных не было почти никого, так, концерт для своих. Нас всех, человек 40, находившихся в зале, охватило какое-то болезненное возбуждение, переходящее в эйфорию. Как мы любили.

На сцену вылез пьяный Гена, схватил микрофон и начал скандировать какие-то речевки, мы не сразу поняли, что это песни, одну за другой. Все эти его ебанутые хиты. Мы просто пришли в какое-то бешенство, падали на пол в судорогах, водили эпилептичные хороводы, исполняли агонизирующие пляски, просто били друг друга. Потом — в ночи, через весь город, к вокзалу, Миша чуть не убил свою

подругу, кинул ей в голову кирпич. Несколько человек ебанулось по пути об асфальт так, что сами идти уже не могли, их несли. Сережа, отец двоих детей, сказал, что умирает, поймал машину и уехал на вокзал. Не стоило отпускать его одного, - там он повздорил с группой вооруженных спецназовцев-десантников из Чечни, которые сразу вынесли ему вердикт. Они пили водку в зале ожидания с местными ментами и закусывали тортом-мороженное, который нарезали штык-кинжалом. У всех были автоматы. Мы тоже были вооружены кто чем, к тому же, нас было больше, мы были агрессивно настроены, служивые решили пойти на переговоры, и угостили парламентеров водкой. Те выпили и вступили с ними в антивоенную дискуссию, утверждая, что в либертарном мире анархии армия не нужна. Пока десантники переваривали эту информацию, подошла утренняя электричка, и мы ретировались. Начали загружаться в вагоны, я смотрю — опять нет Сережи. Думаю — взят в плен, бегу через платформу вдруг вижу — стоит мент у касс, тоже ждет электричку, к нему сзади подходит Сергей, отец двоих детей, расстегивает ширинку и начинает отливать на его штаны... Решительно отправляем Сережу в аут, заталкиваем его в вагон... До скорых встреч.

Сережа очень не любит ментов, каждый раз, когда напивается, идет по городу, пиздит их, те пиздят его, грабят, тащат в отделение, ночью приезжает Сережина жена и выкупает его. Это повторяется регулярно. Сережа, однажды, чуть не получил нормальный срок, когда, сидя в «обезьяннике» через решетку ебанул следователя, проходившего мимо.

Сергей — очень хороший, потерявшийся в жизни, советский человек. Таких теперь не много.

Все началось еще давно. Красный день. Дохуя народу: старики, старухи, безумцы, клоуны, ряженые, психи, дураки, лжецы, воры, весельчаки. Все мы. Утром в красный день на площади у ног Вождя. Готовы идти от него, как алый, пламенный привет, к Учителю, который стоит напротив Большого театра. Я сильно простужен, ночью накачался лекарствами, не помогло. Утром мы с Колей шатались по обезлюдевшему Замоскворечью в поисках аптеки, я был в горячечном бреду, жар, все плывет перед глазами. Заебись, как раз, что надо.

Собрались наши потихоньку, ботинки – такие же, как и флаги. Рядом – внушительная колонна в черном, выглядят очень сурово и революционно-романтически. В центре стоит белокурая красавица в черном милитари, опершись на древко знамени с черными серпом и молотом, шутит с бойцами и угощает их сигаретами. Да… нам до них

далеко.

Наша красная колонна, точнее, не колонна, а толпа, самая последняя в этом параде, здесь панки, люди в кожаных рокерских куртках, безумцы в сталинских шинелях, мы, революция. Все пьяны и готовы к действиям. Вокруг нас, в хвосте левацкого марша – весь скам, мелкие группки психопатов разных мастей. Казаки в ненастоящих мундирах с самодельными орденами, черносотенцы – щуплые православные студенты, сектанты-богородичники в ярких шизофренических рясах. Часть людей с иконами Богородицы, часть – с иконами Сталина. Вобщем, пиздец.

Начинается движение, мы идем последними. Первый ряд, с транспарантом, они все держатся друг за друга, идут в плотной сцепке, потому что так пьяны, что могут просто упасть. Впереди – пионеры, тюльпаны, варшавянка, а сзади мы портим партийцам праздник. «Выеби буржуя в рот – Сталин, Берия, Пол Пот!» «Завершим реформы так – Сталин, Берия, ГуЛаг!» Пионеры, комсомольцы и ветераны охуевают, когда слышат такое у себя за спиной. Еще больше они охуевают, когда посреди дороги им в спины начинают лететь петарды и фаера.

«Перестаньте кидать петарды!» - кричат нам озлобленные пионеры в красных галстучках.

«Начинайте кидать гранаты!» - подхватывает Юра из первого ряда и валится на соседа.

Потом была еще потасовка с комсомольцами, уже у памятника Марксу, когда обезумевший дед заперся в машине с громкоговорителями и пытался вызвать дух вождя народов, скандируя безумные сталинистские лозунги. Мощная аппаратура позволила ему заглушить красных бонз, выступавших с трибуны, и те дали указание комсомольцам извлечь провокатора. Мы ринулись на защиту революции, но наша помощь не понадобилась, пенсионеры сами отбили атаку – старухи стали плотным кольцом вокруг машины, какой-то ветеран залез на крышу автомобиля и разил комсомольцев сверху древком красного знамени, как Георгий Победоносец. Мы все любили такие моменты.

Через семь лет снова был Первомай, то же место, то же время, но теперь у нас самих была машина и аппаратура стояла помощнее… Из колонок хуячит техно, черную колонну окружило двойное кольцо ОМОНа. Сквозь них к нашему грузовику проталкивается испуганный депутат со свитой. «Я не знаю, кто вы все такие, но ради Бога, не надо ничего крушить, нас ведь всех тогда повяжут, и меня с вами за одно.

Пожалуйста, не надо терроризма!» Я улыбаюсь, жму его трясущиеся руки и ставлю на проигрывание трек «Let's start a riot!»

Мы познакомились с Федей, когда ему было 23 года, а сейчас 23 мне. Мы собрались вдесятером, прихватили арматурку и поехали на стрелу в военный городок в Подмосковье. В электричке сразу начали разливать водку, когда доехали – все уже были в угаре. На платформе нас встретил татуированный пацан с тоннелями в ушах и предложил сойтись в русском поле как древние витязи. У нас хватило ума послать Мишу для просмотра поля, которое находилось на режимной территории, за бетонным забором. Через 20 минут он вернулся и в тревоге сообщил, что это стопроцентная подстава и нас там похоронят – вокруг поля бродят десятки подозрительных людей в ожидании чего-то. О честном бое витязей уже не могло быть и речи, весь поселок кишел людьми, съехавшимися нас бить.

К станции медленно подъехала электричка в сторону Москвы. Я посмотрел на Федю. «Ну бля, мы что, зря сюда приехали? Похуй!» - сказал он, и мы пошли в село искать оппонентов. Искать долго не пришлось, они посыпались изо всех щелей, как тараканы, оформляясь в толпу человек в пятьдесят. Мы встали на автобусном кругу между ларьков, и через секунду орущая лавина обрушилась на наши головы. Мы стояли между спасительных ларьков, это не дало им окружить нас. Сразу в ход пошла арматура, вокруг зазвенели бутылки, меня достаточно сильно отхуячили, тяжелые ботинки отлично прошлись по моей голове и ребрам. Для противника столкновение оказалось тоже болезненным, первые ряды, с разбитыми головами, отступили назад. Я открыл глаза и увидел над собой Федю, он держал в руке железный прут и отгонял мразей. Я и еще несколько лежавших на асфальте, мы встали, все в крови, и построились с арматурой в ряд, приглашая их на продолжение вечеринки. Второй атаки не последовало, они еще попрыгали перед нами, покричали, а потом начали отходить. Все 50 человек, непонятно. Возможно, они несколько охуели от нас и не придумали, что делать дальше.

Хуже всех досталось Сереже – вся голова, лицо, одежда в крови. «Ты как, дотянешь до дома?» «Нормально. Только жена с ума сойдет, дети еще… Папа приехал…»

Они нас обманули – умники и богачи. Нам, тысячам убогих, бедных и глупых сказали, что мы многого достойны. Что мы сможем сделать что-то великое или хотя бы что-то хорошее. Тем, кто поглупее – великое, тем, кто потрусливее – хотя бы хорошее. Разделили и овладели. Теперь они нас используют в своих целях, великих и

осмысленных по-настоящему. Чтобы их таланты развивались, чтобы их сила росла. Умники и богачи.

А все осталось по старому, не нужно никаких иллюзий. Убогие созданы, чтобы страдать, бедные – чтобы трудиться и выживать. Это просто как раз-два-три. Больные созданы для болезней, сироты – для детских домов, пенсионеры – для старости, инвалиды – для мучений, нищие – для зависти, дураки – для смеха. Все одно и то же и очень просто, не надо мне ваших сказок и бредней, вытянутых неоткуда. Их все выдумали умники, у них – бизнес планы и ай-фоны, таланты и гранты, они посмеиваются над всеми вами, смотря как вы карабкаетесь и успокаиваете себя. Рая нет и не будет, забудьте эту хуйню.

Давайте представим мир по-новому – ничего нет. Вы – кусок живого мяса на этом скотном дворе, не умный, не талантливый, не богатый, не здоровый. Все эти определяющие параметры ведь заложены в вас от рождения, вы ничего не можете поделать с вашими генами, социальным положением родственников или вашим воспитанием в первые полтора года жизни, когда, собственно, формируется ваша личность. Ваши гены и история отечества уже таят в себе токсический заряд, который отравит вам всю последующую жизнь. Скажите спасибо еще, что не родились с заячьей губой или вовсе без рук и ног (а таких людей навалом, сами знаете). Этого несчастья вы уже избежали, Слава Богу. Теперь вашей основной задачей на всю оставшуюся жизнь, на самом деле, должно стать стремление избежать тех крайних ужасов боли и безумия, которые щедрая судьба раскидала повсюду на нашем пути. Именно это, а вовсе не построение лучшего мира, развитие талантов, самовыражение в науке и искусстве, достижение богатства и процветания. У вас нет и никогда не было ни умственных ни финансовых ресурсов для всего этого, это чушь. Сколько бы ты ни работал, твоим успехом будет только покупка Жигулей. Творчество? Все что ты можешь творить – это таких же тупиц как ты. Все, чего действительно надо добиться в жизни – это не стать бомжом, инвалидом, открытым сумасшедшим, умереть быстро и без мучений. «Смерть безболезну, непостыдну подай нам, Господи».

Но если посмотреть еще глубже, то ситуация становится еще более четкой и откровенной. Вот наша жизнь, ведь мы не можем просто сохранять середину, не болеть, не беднеть, не страдать. Дзэн благополучие у нас - всегда сквозь сжатые зубы. Мы болеем, нищаем, мы стареем, в конце концов, плюс, нас окружает негостеприимная природа и куча мудаков. Мы не можем оставаться в стороне от этого,

как бы ни старались, рано или поздно нас посадят в тюрьму, у нас будет инсульт, простатит, нас постигнут и иные немощи. Нас будут увольнять, оскорблять, насиловать, бить, предавать, мучить дома, на работе, коллеги, родные, близкие, друзья, враги, животные… Перст судьбы будет беспрерывно давить нас, пока не раздавит совсем, и из нас не вылезут кишки.

Если ты нищий и убогий, единственное, что тебе остается делать – это ставить на кон все, что у тебя есть. Все, то, что мы творили все эти годы – это были большие ставки. Это верная стратегия, мальчики в странах третьего мира всасывают это понимание игры с молоком матери, лично я четко познал его в школе, из книги «Сокрытое в листве». Жизнь – как игра в очко и у тебя полная рука мусорных карт. В этой ситуации, самое правильное – идти ва-банк, ставить все. У тебя всегда остается последняя, не разменянная фишка – твоя жизнь, ты ставишь ее снова и снова, и противники пасуют, скидывают карты. Это верный путь выигрывать нормальный куш до поры до времени. Однажды, тебя поймают на блефе и убьют. Это случится непременно. Но, вообще говоря, если молиться каждый день, утром и вечером, можно продержаться в игре достаточно долго. Такая стратегия – самая верная партия для неудачников, у меня полно примеров.

Друг подарил мне ветровку, даже не подарил, а одолжил, на один выезд, чтобы я не смотрелся нище, как обычно. Это большая проблема, совершенно ничего не понимаю в одежде, донашиваю старые шмотки родственников, штопаю носки, выбрасываю ботинки только тогда, когда у них отваливается подошва. А тут надо было ехать на ответственный выезд в Минск, и мне приказали выглядеть более-менее. Так вот, мне выдали ветровку Даффер синего цвета, с капюшоном, в обтяжку, без карманов. На логотипе — 4 буквы «D», сложенные свастикой.

День победы. Ясная погода, печет солнце, ровные мостовые, как на дорогом кладбище или в древнем городе мертвых. Везде чисто, каменные громады, бетонное превосходство. Пятьдесят человек идут через весь центр, орут, шумят, смеются. Нервное оживление, эйфория обреченных, как мы любим. Весь город ненавидит нас, стены коммунистической столицы кружат вокруг нас кольцами, по проспектам шествуют счастливые семьи, дети показывают на нас пальцами в страхе. Машины ментов проносятся мимо, они уже бессильны противостоять тому, что произойдет через пару минут. Мы сворачиваем с проспекта в сторону стадиона, Лукашенко не готов к встрече буйных гостей. Спускаемся вниз по улице, впереди уже видны

кассы.

Из-за угла, волна за волной, начинает хлестать поток хулиганья, там все, москвичи, люди из Бреста, местные, они хотели раз и навсегда распрощаться с нами. Толпа человек в 200 катится бесконечными валами на нас. Сзади я слышу как Коля орет: «Нам пиздец!» - это сигнал к наступлению. Федя бросается один в самую середину их рядов, мы — сразу за ним. Плотность такая, что нельзя размахнуться, я сцепляюсь с каким-то человеком, через секунду мы уже летим в черную пропасть. На дороге ремонт, везде развороченный асфальт, у фундамента дома вырыты глубокие котлованы. Обе толпы встречаются прямо над ними и первые ряды слоями устремляются в ад. Человек мечется и рвет на мне новенькую ветровку Даффер, мы не выпускаем друг друга из враждебных объятий, валимся в яму и не можем упасть на дно, будучи сплетены в клубок с еще десятком людей. Мы грызем друг друга, зависнув в яме вниз головой, над нами еще два слоя людей, которых Руслан и другие наши ребята втаптывают еще глубже, под нами, на самом дне бетонного колодца, Виктор, научный сотрудник биоинженерного института, схватил какого-то драчуна железной хваткой и выдавливает ему глаз. Минск сити, 2006.

Теперь Даффер снова на мне, я приехал сюда в единственной своей приличной куртке, хотя в ней теперь дыры не только от Минска, но и от Киева, и от Рязани... ребята дразнят меня за нее.

Мне уже давно видится эта картина, она у меня перед глазами, живет своей параллельной жизнью. Это не сон, я впервые представил ее вполне бодрствуя, она так сразу вошла в мое существование, легко, будто все само собой разумеется, будто я всю жизнь только и представлял ее. Теперь представляю, и правда, постоянно, и даже когда не думаю о ней, она, эта картина, живет параллельно со мной, во времени и вечности, как уже сказано выше.

Итак, это какая-то колоннада, вроде античной, везде арки и мраморные колонны, и, что очень важно, мраморный пол. Это библиотека, или древний храм, или дворец, или мэрия, какое-то монументальное здание, но давно покинутое и заброшенное. Как если бы все люди разом исчезли, заколотили сюда все входы и прокляли его. Теперь все тут в запустении, везде застарелая грязь, по ее контурам вдоль стен и вниз по лестницам видно, где текут ручейки дождевой воды, когда они спускаются по облупившимся сводам с обветшалой крыши. Старое, заброшенное, монументальное здание.

В одной из колоннад лежит на полу труп. Трупный запах плотно

строит повсюду, очень сильный, настоявшийся в закрытом помещении. Так как повсюду камень, тело не сгнило, а высохло, провялилось как-то. Это мужчина, очень худой, без одежды, совершенно голый, лежит на полу, свернувшись на боку. Вокруг него, опять таки, виден желтоватый контур — это высохла постепенно жидкость, вытекавшая из трупа после смерти. Теперь это уже не тело человека, это пустая оболочка, оставленная здесь, в этом здании, как ненужный, забытый мусор.

Этот человек — я. Это и я лично, и вы, и человек в принципе, как первозданный Адам, человек с большой буквы. Се человек. Вот он лежит, как высохший жук, который не смог вылезти из стакана. Я вижу эту картину так ярко, она живет своей отдельной жизнью, потому что содержит какую-то высшую очевидность. Она поселилась внутри меня уже давно, и к этому нечего добавить.

Мне нравится чувствовать боль, это единственное, что мне остается, как не стыдно признать. С детства жизнь всегда учила меня: возлюби боль.

Когда я был маленький, я думал завести тетрадку, в которой бы отмечал плохие и хорошие дни — те, когда мать била меня сильно и те, когда не очень. Все годы моего детства я вспоминаю как постоянную боль, она била меня просто бесконечно. Память вытесняет неприятные, болезненные моменты, детство я помню смутно, лишь урывками. Одно из первых воспоминаний — мне года 3-4, я стою в коридоре плачу. Мать смотрит мне прямо в глаза и в бешенстве кричит: « Я убью тебя». Она очень бедная женщина, больная шизофренией или еще чем-то, она тоже постоянно испытывает какие-то нечеловеческие страдания, боль, это толкало ее всякий раз причинять боль тому, что было частью ее самой, мне. Приступы боли и ненависти захлестывали ее постоянно и непредсказуемо, поэтому я никогда не мог предсказать, в какой момент она атакует. Собственно, следовало ожидать этого всегда, как перманентную боль, которую нельзя предсказать или предотвратить.

Я только недавно научился нейтрально относиться к своей матери. Она бедная, больная, охуевшая сука, по правде говоря. Мне не следует иметь детей, вероятно, я бы обходился с ними точно так же.

Боль — это то, как мы воспринимает окружающий мир. Звук проходит через чувствительные мембраны и отпечатывается рваной бороздой на поверхности виниловой пластинки. Так и реальность, все ее объекты и мир в целом, через боль, болью, оставляют свою борозду на поверхности нашей личности, создает, моделирует ее. Машина

беспрерывно нацарапывает все окружающие звуки на гладком пластике, нечто, растворенное в воздухе, становится предметом. Жизнь каждую секунду ранит нас через глаза, уши, ноздри, рот, кожу — из нас течет кровь, мы становимся такими, какие мы есть. Иногда руки мастера срывается и делает слишком глубокий надрез - мы можем умереть или сойти с ума. Со временем, шрамов становится слишком много, они перекрывают одни другие помногу раз, и мы перестаем быть чувствительны к ним, теряем тонкость восприятия реальности. Мы больше ничего не чувствуем, будто бежим через поле, поросшее травой с острыми тонкими листьями, и не понимаем потом, почему все ноги в крови.

Боль делает нас нечувствительными к боли, и мы стоим теперь одни, посреди бескрайнего поля.

У меня есть друг, Коля. Мне кажется, он сошел с ума. Когда мы учились в школе, он уже был достаточно активным, и этим сильно меня пугал, его активность была пугающей. Как маленькая черная дыра, он поглощал музыку, новости, впечатления, слухи. Потом он начал поглощать еще и радикально-политические взгляды, алкоголь, одежду, наркотики и старое доброе ультра-насилие. Со временем черная дыра все расширялась, в нее вливалось все подряд — случайные знакомые, бессмысленные дамы, оголтелые вписки, беспробудные алко и нарко трипы, плюс проблемы с законом. Людям казалось, что он продал душу хаосу, стал его могущественной аватарой, гневным и порочным божеством. Мне же виделось, что в простом механизме его души что-то сломалось, как сломалось, в той или иной степени, у многих из нас. Он все крутил и поворачивал тумблер своей жизни, нагнетал давление все выше и выше, пока он не сломался, пока все не вышло из под контроля. Теперь Коля все крутил и крутил его, а он только проворачивался вокруг своей оси, перестал что бы то ни было регулировать. Все это потеряло смысл, закружилось само собой. Как-то он чуть не выкинул какую-то девочку из окна ее собственной квартиры, хотя потом спал с ней, много раз бросался на друзей, знакомых, иногда с ножами, мечтал приобрести на руки ствол, все трепетали этого.

Сейчас Коля сидит в тюрьме, это то, чего он ожидал уже давно, у него новая житуха, новые кореша и даже тюремная кличка есть. Тумблер все еще крутится.

Как-то раз, еще давно, Коля пришел ко мне, посидел и вдруг говорит: «Слушай, а может быть, я — сумасшедший? Может, я просто псих, сошел с ума и мне нужна помощь врача? Нет, действительно, я

чувствую, у меня в голове что-то не так, как-то все не сходится, возможно, мне помогут».

Парень кричит в микрофон, на улице похолодало, зима, а он в одной футболке, в сыром грязном подвале, над головой дымится и искрит единственная лампочка, она согревает все помещение, как солнце, ведь солнце светит так же одиноко в захламленной вселенной. Она светит на наши худые, иссохшие, издерганные тела, трясущиеся на холодном полу, согревает нас всех, ведь нам нужно так мало, мы довольны малым. От этого тепла на нас выступает холодный горячечный пот, липкий и горький.

Парень кричит в микрофон, а мы барахтаемся в грязи и дергаемся при свете единственной лампочки в сыром, холодном подвале.

Иисус Христос Аллин был последним пророком рок-н-ролла. Он родился 29 августа 1956 года в городке Ланкастер, Нью-гемпшир, США в трейлере религиозного фанатика, которому во сне явился Спаситель и приказал ему назвать мальчика своим именем. Это был поганый городишко, вместо того, чтобы учиться в школе, здесь было принято слушать панк-рок и залезать в чужие дома. Как то раз, Аллин со своим братом отрепетировали пару песен и выступили на школьной вечеринке – она закончилась погромом и вакханалией.

Он пел во многих группа в разное время: «Шлюхи с Кедровой улицы», «Нацисты из Техаса», «Наркоманы-убийцы» - с годами ненависть поглощала его все больше, стихи становились все хуже. «Я убиваю все, что ебу», «Изнасилуй мать свою, убей отца своего», «Убивай Ментов», «Анальная пизда», «Уебок», «Съешь это, мразь» - его нетленные хиты. Здоровый, бритый наголо мужик с мудацкими усами, он выходил на сцену голый и погружал зрительский зал в бездну психоза. Он резал себя, бил о голову бутылки, испражнялся и ел свои фекалии, разрушал аппаратуру и истязал себя проводами. Он не забывал и зрителей, пиздил их всем, что попадалось под руку, ссал на них, калечил и оскорблял женщин. Массовая драка в зале на его выступлениях начиналась с первых аккордов. При этом, больше всех страдал сам зачинщик, его яростно избивали всей толпой, под конец, все его тело становилось как кусок окровавленного мяса. Его увозили на скорой, если не арестовывали, в зависимости от того, какие травмы он успел нанести зрителям.

«Вы все молокососы, трусливые ублюдки, я вас ненавижу, твари!» - обращался он к своим поклонникам и всему роду человеческому в целом, - «Вы ничего не можете, нытики! Попробуйте прожить хоть один день так, как я прожил все последние годы: половину времени я

провел в больницах, половину – за решеткой, мне нечего стесняться».

Он безбожно ширялся героином, множество раз врачи доставали его с того света, их он, вероятно, ненавидел больше всего. Мир рок-н-ролла боялся Аллина, его никуда не приглашали, когда он приходил на какую-нибудь вечеринку, это значило, что будут неприятности. Пару раз его звали на телевидение, он приходил в нацистском шлеме, полуголый, эти интервью тоже ничем хорошим не заканчивались.

Армия поклонников Аллина все росла. Это были самые отбросы мира рок-н-ролла: закомплексованные извращенцы, наркоманы, задроты, убогие, подростки с отклонениями. Он вел их прямо в рай деградации, они молились на своего кумира. «Мой разум – это автомат, мои руки – это пули, а вы – мишень!» - кричал он им, перед тем как отмудохать какого-нибудь очередного идиота из первого ряда. Он насиловал девушек прямо на глазах их приятелей и называл это правильным подходом. Под конец, он совершенно сошел с ума – обдолбанное, жирное, исполненное вселенской ненависти чудовище из преисподней, в гнилых татуировках, крови и испражнениях.

Наконец, какая-то дама, одна из его жертв, подала на него в суд, и Аллина посадили в тюрьму на два года – пока он сидел, его популярность достигла своего апогея, про него даже сняли документальный фильм. Выйдя на свободу, он сразу обширялся и дал концерт, на котором его пиздил весь восторженный зал. Разбили всю аппаратуру, Аллин просто вышел с толпой поклонников на улицу голый и гулял по ночному городу, избивая прохожих. Потом его привели в отель, он еще раз пустил по вене и умер. Фанаты еще целый день фотографировались с его телом, думая, что он просто в отключке…

Похоронили его, как он был, – полуголого, в одних трусах, в кожаной куртке и темных очках, все его тело было изувечено. После смерти, из него сделали коммерчески успешный культ, брат Аллина собрал новую группу с таким же названием, нашел нового вокалиста, и катается по всему миру с гастролями. Когда они играли в городке, где томится в эмиграции Красный Леха, тот взъебал брата Аллина в настольный футбол и, в наказание, послал в магазин за водкой.

Мы то, что в себя вливаем. Водка, пиво, наркотики, кофе, чай, сахар — все это влияет на наше состояние, на нас самих. Мы и дня не проводим без этих небольших поправок, корректировок курса, того, что делает нас сильнее, бодрее, умнее, веселее. Мы — то что мы пьем.

Один суффийский аскет сказал, что не стоит забивать голову сложными формулами и мыслями, реальное значение для жизни имеет

только то, что ты ешь. «Я всего лишь разборчив в еде».

Мы пьем страх, голод, радость, ненависть, болезни, музыку, секс, плохое воспитание и дурную наследственность. Мы все это глотаем с рождения и это делает нас такими, какие мы есть.

Посадим белую подопытную мышку в клетку с двумя камерами. В одной к полу подведен ток, в другой — нет, между ними перегородка с дырочкой. Сажаем мышку в часть с электричеством и нажимаем кнопку «старт». Легкий, но болезненный разряд поражает животное снова и снова, мышь в панике находит спасительное отверстие и перебегает в благополучный отсек. Все в порядке.

Теперь то же самое, снова два отсека, снова ток, снова мышь, но на этот раз в перегородке нет никакого отверстия, будто никогда и не было.

Подаем ток, мышь начинает метаться по клетке, она лезет на стены, ищет выход, но его просто нет. Отчаянные попытки вылезти продолжаются несколько минут, в конце концов зверек падает без сил на пол клетки и затихает. Мощность электрических разрядов очень мала, их совершенно недостаточно, чтобы убить его, однако, они болезненны и, главное, постоянны. Не будучи в силах избавиться от них, осознавая своим крошечным мозгом бесполезность приложения усилий, мышь перестает сопротивляться, тихо лежит на полу, подрагивая. В ее организме в это время происходят необратимые изменения, угнетается нервная, гормональная, иммунная системы, она потеет, вся трясется, она умирает, но не от электричества, а от истощения и прочих естественных физиологических процессов, своим ускоренным и неконтролируемым ходом раздавивших ее жизнь.

Теперь последний опыт. Есть клетка, перегородка без дверки, электрический пол, но теперь в камере сидит не одна мышь, а две. Подключаем электрод. Сначала, оба зверька, как и следовало ожидать, в панике мечутся по клетке, лезут на стены, ищут выход. Потом оба отчаиваются и падают от усталости. А затем, они непременно, всегда, начинают драться и грызть друг друга, с каждым разрядом тока стервенея все больше. Через некоторое время, все их лапки искусаны, все их беленькие тельца в красных капельках крови, они готовы искусать и исцарапать друг друга до смерти. Но возьмем теперь у них анализ крови, проведем доскональное медицинское обследование каждой. Странность в том, что, за исключением травм, полученных во время поединка, их физиологическое состояние можно признать удовлетворительным, все показатели в норме, все гормоны на месте, все органы и системы функционируют нормально. И уж точно зверьки

не собираются умирать. Мыши указывают нам путь ненависти.

Однажды родившись, отделившись от кровеносной системы матери, мы беспрерывно испытываем страдания, гормоны не дают нам спокойно жить. Страх, голод, холод, похоть, боль - то, что мы чувствуем каждый день. Мы боремся с этим, вливая в себя порции контр-агентов, мы пьем алкоголь, занимаемся сексом, спим, ходим в спортзал, едим, принимаем наркотики, молимся в церкви, рожаем детей. Ну и, конечно, мы боремся с чем-то или за что-то, это самый комплексный подход.

Жизнь человека — борьба стрессовых гормонов, гормонов боли, адреналина, с эндогенными опиатами, эндорфинами, естественными гормонами анальгезии и удовлетворения, вырабатываемыми нашим мозгом. Наркотики против наркотиков, вот и все.

Когда ты начинаешь учить иностранный язык в средней школе, твои первые слова — мама, папа, дом, всякое такое. Когда ты узнаешь новые слова в чужой стране, после того, как съебался, все совсем по-другому. «Мент», «мудак», «шлюха», «ублюдок» - то, что ты слышишь каждый день.

«Теперь мы крикнем то, что всем давно знакомо — мусора убийцы, мусора — ублюдки». Огромная черная толпа в несколько тысяч человек ползет гигантской змеей через южный туристический город, рушит банки, магазины, поджигает машины, плюется камнями и бутылками с зажигательной смесью, жрет жрет жрет. Ментов здесь очень мало, несколько отрядов по десять человек, они жмутся по стенам, прикрываясь щитами, в них летит все, что попадается в тысячи рук. «Ты закрываешь лицо шлемом, свинья! Тебе ведь стыдно, ублюдок!» - кричат им отовсюду.

Я жду своего момента. На лице повязана футболка, в руке — массивный кусок древесины, ножка большого кресла из разгромленного ресторана. Я жду, мне нужен мент, всего лишь один. Я жду, когда толпа наконец ринется на этих убогих и просто растерзает их. Это будет победа всего святого, я вспомню все.

Ничего не происходит. Это как огромная игра в снежки: с одной стороны камни и коктейли Молотова, с другой — ракеты и гранаты со слезоточивым газом. Они травят нас им, как тараканов, выжимают, выдавливают из центра города, заливая белым облаком все вокруг. Демонстранты прыскают в глаза раствором Маалокса — лица и одежда все как в мелу от белого порошка. Отступая, толпа рушит все вокруг, сооружая баррикады из мусора, стройматериалов, кусков автобусных остановок, все это горит. Огненные стены перегораживают

курортные улочки, мусорный дым смешивается со слезоточивым газом и поднимается к небу. Ни сейчас, ни завтра, ни один мент серьезно не пострадает. Я испытываю разочарование от игры.

Мы все ненавидим ментов, каждый истинно советский человек. Ненависть. Мне все равно, личные качества человека не имеют никакого значения и никогда не имели. Ты то, во что ты одет, я знаю это точно и пора всем к этому привыкнуть. Ты одет в форму — ты мент, мне безразлично, какой ты друг, товарищ и брат. «Бесплатный проезд в общественном транспорте, оплачиваемый отпуск, бесплатное платье» - написано в листовке, которую получают все пацаны в Москве, которым исполнилось 18 лет. Фу, блять, платье, потом я действительно увидел пару ребят из своей школы, из классов младше меня, в таких платьях, уже разжиревших, с очень хуевыми лицами. Ненависть, гадость, мрак. Представьте, например, вот вы заходите на сайт «одноклассники.ру», к примеру. Это есть такая штука в Интернете, можно найти фотографии и данные всех твоих одноклассников, жирных, с женами уже. И вот, смотришь — этот родил дитя, другой купил Жигули, а третий вдруг раз — и смотришь фотокарточку, а он — в форме! Вот шутка природы, получеловек, полунежить какая-то, из под век — свинцовое ничто, как две пули ПМ. Мы все продаем кому-то душу, но тут как-то все слишком гадко...

Темная клетка, вонючие деревянные скамейки в облезлой старой краске. Они все изъедены, изодраны надписями, зарубками, просто следами от ногтей, нервно впивавшихся в эти доски на протяжении многих лет. Я на удивление спокоен, даже не ожидал, что спокойствие и безразличие во мне уже настолько прогрессировали. Теперь все серьезно, думаю, штрафом не отделаться. Люминесцентный свет, каменный пол, скука — по ту сторону, по эту, - темнота, тишина и ожидание.

Со мной в клетке, в основном, нелегалы, их приводят, уводят. Они привычно жуют насвай, шлют SMS с запрятанных телефонов, переговариваются тихо. Рядом со мной сидит пожилой человечек, сухой, аккуратный, поникший старик.

«Мать всегда его баловала, это она виновата. Вырастили такого амбала на свою голову. И пьет, и орет, и дерется, бьет нас все время. А мы все терпим, мать в нем души не чает. Вот опять пришел, пьяный, все разгромил, стал вымогать деньги, я говорю — нет, не дали еще пенсию. Ну он — бить меня. А я все, как обычно, сношу, терплю, что он меня колотит, и вдруг, в одну секунду, так мерзко, противно стало... я его в ответ двинул легонько. Он пьяный, упал на диван, смотрю в его

глаза и вижу — убьет. Со страху схватил, что под руку попалось, - молоток, - и начал его бить, чтобы он вырубился. Знаю, если встанет — не жить мне...

Ну жив он, в больнице, в сознании уже. А милицию старуха вызвала, сказала потом, что, мол, не было никаких побоев, ни у нее, ни у меня, а, будто я сам, по умыслу, хотел его убить. А у самой все лицо разбито. Ненавидит меня, что сына тронул, говорит, хочет, чтобы я в тюрьме сгнил. И сын торопит, говорит, теперь у вас один выход — квартиру на меня переоформлять. Все меня теперь ненавидят. Ну мне все равно уж, чего там».

Меня уводят на очередной, третий допрос. В коридоре тоже ждет очереди старая проститутка, в одном халатике, ее мужик отпиздил и выкинул на 20 градусный мороз. Я отдаю ей свою куртку, не задумываясь.

«Я никак все не пойму, против чего вы все», - выпускник юрфака, допрашивающий меня в отделении, крутит между пальцами дорогой телефон, - «Все эти бритые, панки какие-то… Делать нечего?»

«Пожалуй, что и так», - зеваю от усталости, - «Все по-разному отдыхают. Кто-то в подъезде, кто-то в игровых автоматах. А кто-то одевается нормально, идет на концерт или едет на выезд в другой город, тусуется с веселыми подругами, интересуется чем-то, в группах на гитаре играет. Так делают умные ребята, это дешево и красиво. Мы всего лишь пытаемся при ограниченных средствах жить по-королевски, как говорится. Но в этом городе, в Москве, все всегда залито какими-то отбросами, постоянно приходится расчищать себе место под солнцем от грязи. Толпы придурков мешают москвичам жить и отдыхать нормально».

«Это ты называешь «красиво жить»? Вот мне 20 лет, я работаю в милиции, тебе 24, ты безработный, хотя и университет окончил. Эти ботинки я покупал в Охотном Ряду, они стоят дороже, чем вся твоя одежда. Выходит, я лучше тебя живу, я умнее?»

«Наверное. Ты же работаешь в милиции».

«Пизди всех!» - орет в алко-безумии Коля, и несколько спортсменов начинают планомерно выносить всех, находящихся на танцполе. За час до этого, мы уже отхуячили всех тех, кто стоял у клуба в ожидании нашего приезда, потом всех их друзей, московских гостей, всех мудаков, кто попался на глаза. Тотальная зачистка, десятки жертв. В результате теперь весь город жаждет нашей крови, все ждут окончания концерта. Мне разбили голову, волосы и куртка в крови, я заинтригован. Снова-здорово, «Обожаю Рязань на выезде», - говорит Федя.

Шоу подходит к концу, клуб закрывается, сотни местных подростков стараются как можно скорее ретироваться по домам, у дверей давка. Мы собираем за ними пустые бутылки, разбираем вешалки на железные прутья, сгруппировано выходим на площадь перед клубом. Ночь, начало зимы.

Из парка напротив ровными колоннами, построившись в прямоугольник, выходит толпа людей и организованно движется к нам. Их около 50, нас 23. Мы встаем на лестницу у кинотеатра на возвышении. Две ментовские машины, стоявшие между нами, почтительно отъезжают в стороны, чтобы дать свершиться драме.

Толпа доходит до лестницы и останавливается в 5 метрах от нас. «Идите сюда, мрази!» - кричим мы им, «Зиг хайль!» - кричат они в ответ. Рома хватает мусорную урну, полную отходов, и с высоты метает ее прямо в середину их первого ряда, мы спускаемся за ней следом. Я кричу «Алилуйя!» и получаю несколько раз бутылкой по голове. Федю опять оттащили в самое пекло, мы идем отбивать его. Менты издали включают сирену, противник медленно отступает, мы за ним. Кидаем в них мусор и камни, они исчезают во дворах.

Возвращаемся к своим раненным, одному парню серьезно располосовали ножом череп, плюс сотрясение, он лежит в луже крови с пеной у рта. Менты без интереса стоят над ним. Кричу им, чтобы вызвали скорую, вместо этого они вызывают еще 4 машины ментов и автобус ОМОНа. Мы начинаем орать на них, те отбиваются резиновыми дубинками, пытаются арестовать зачинщиков, в результате сержант получает с ноги по ебалу. Мы окружаем машины, ситуация выходит из под контроля, дегенерат в истерике тычет в нас Калашниковым и визжит: «Всех перестреляю, мрази, на колени!». Начинается потасовка с ментами, ее прекращает подоспевший ОМОН, нас кладут на асфальт, руки за голову, нескольких арестовывают. С остальными делать нечего, через полчаса нам приказано убираться из

города в сторону леса. Приехала скорая, наконец-то, кладем в нее паренька, я договариваюсь с одним из ментов, пока суть да дело, он оставляет машину с задержанными открытой, мы все медленно расходимся из центра.

Потом всю ночь шли по лесам, путям, до станции за городом. У Ромы проткнута шилом насквозь рука, мне снова разбили голову, все в крови, грязи, охуевшие. Пришли на станцию, там только бетонная платформа и лес вокруг, разожгли костер из каких-то обломков шпал, разлеглись вокруг на кусках картона и мусоре. Пацаны пьют водку из горла, повсюду едкий дым. В 3.40 приходит электричка, загружаемся на пустые скамейки вповалку. Перед тем, как заснуть, я встречаюсь взглядом с пареньком, сидевшим на соседней лавке, он просто охуел от нашего вторжения. Он модно одет, аккуратно коротко подстрижен, у него на куртке маленький значок с древнегреческим шлемом. Он смотрит на нас, узнает лица из интернета и думает: «Да это Они! Что за хуйня?? я столько читал о них, столько слышал, я представлял их совсем другими. Что это такое? Какая-то свора бомжей, какие-то обезьяны просто. Им реально место в зоопарке, как говорится!»

Мы все рождены для войны, для того, чтобы идти в ровных шеренгах на бойню. Прямо на пулеметное гнездо, прямо на минное поле. Всегда в человеческом обществе шел естественный процесс отсева ненужной части мужских особей. Они от рождения не приспособлены к продуктивной общественной жизни, они стали бы плохими мужьями, отцами, работниками, хозяевами. Это опосредовано генетически, у этих людей изначально есть предрасположенность к деструкции. Грамотные механизмы внутренней регуляции общества вычисляют этих людей еще на ранних этапах, поощряют, в подростковый период, их единственный достойный навык — причинять и терпеть боль, - а, затем, когда посчитают их готовыми, отправляют туда, куда им и дорога — на общественно полезную бойню. Обычно, это война.

В течение всей человеческой истории общество время от времени устраивало себе кровопускания, чтобы удалить из своего организма лишнюю мужскую кровь. Это очень мудрый механизм — ведь все остаются довольны. Одни умирают с улыбкой на устах, с чувством выполненной жизненной миссии, другие остаются жить и продолжать человеческий род в обновленных условиях. Когда этого не происходит, когда общество, в силу разных причин, отказывается от войн, доселе мирные и благополучные земли наполняются ордами преступников, головорезов, маньяков, авантюристов, святых — это

начинает бродить и отравлять все вокруг невыпущенная мужская кровь. Внутренние механизмы общества начинают работать вновь и находят компромиссное решение — теперь война переносится внутрь страны, части ненужных мужчин присваивается наименование «полиция», остальным - «преступность». Это помогает немного решить проблему, кровь начинает снова течь тонкой струйкой. Но, на самом деле, ни ту, ни другую сторону это не устраивает, то, чего они в действительности хотят — так это настоящей войны, где умирает более 30% принимающих в ней участие, а, возможно, и все 100%.

Я часто представляю себе свою смерть в ходе военных действий в тех местах, где нахожусь. Перестрелка в городе, по нам работает дальняя артиллерия, мы бежим через разбитые улицы и прячемся в горящих руинах домов. Вокруг себя я вижу такие же бессмысленные, решительно-обреченные лица, как и мое собственное, нас убивают шальные пули и осколки снарядов по мере продвижения вперед. Наш отряд выдвигается из переулка и прямо перед нами встает укрепленная точка противника. Длинная, непрекращающаяся очередь кладет нас всех, в меня попадает несколько пуль, задето легкое и еще что-то внутри. Я падаю, из меня обильно течет кровь, через несколько десятков секунд я теряю сознание и умираю.

Мы все, поганое постсоветское поколение, у нас ничего нет, никаких целей и принципов, но в наследство от столетия коммунизма нам осталась тоска. Советский человек не должен был хотеть ничего, личная жизнь, радости быта, общественные удовольствия и развлечения — все то, что мотивирует жизнь западного потребителя, - все это вызывало насмешку и презрение. Советский человек-гигант жил, для того, чтобы пожертвовать своей честной, простой жизнью — на стройке, в ГУЛАГе, на амбразуре, в шахте, в многодетной семье, в поганой пятиэтажке. Жизнь — подвиг, жертва. Не нужен Иисус, когда здесь все иисусы.

Прошло время, и теперь у нас осталась только бездна презрения и цинизма, «прагматичный нигилизм», усталое стяжательство. Но тоска по подвигу осталась где-то глубоко, во мне и в прочих людях, кто еще не сделал в квартире евроремонт. Мы должны были страдать и умереть во имя чего-то, а теперь, когда все это безразлично и глупо, нас просто тянут к себе страдания и смерть. Если не знаешь, за что страдать — можно хотя бы страдать впрок. Это не православие, не Достоевский, это рассказы Шукшина и песни Высоцкого.

Тоска у нас в крови, мы чуем только боль, и она тянет нас в могилу.

«Слушай внимательно. Сейчас мы уходим, мне пора. Я вот что думаю, ты меня слышишь? Я думаю, ты вот так вот будешь жить, жить всяко, но не долго, лет до 27. Да, не думаю, что ты будешь жить дольше. Мучаться, мучаться, но только до 27 лет, не больше».

Она огорченно смотрит на мое распухшее, размякшее лицо. Вокруг ревут усилители, носятся люди. Я лежу полуголый, совершенно невменяемый у какого-то костра, весь в грязи, пепле, траве, водке. Старые яблоневые деревья в заброшенном саду опечаленно склонились надо мной, они обхватывают меня толстыми ветвями и укрывают от собственного стыда и бессилия.

Нам всегда говорят отовсюду – будь собой, не стесняйся, будь собой. А что, если для многих людей быть собой – значит быть негодяем или шизофреником? Что если в твоей натуре – быть больным, несчастным, дураком, трусом? Тогда ты готов «быть собой»?

К этому выбору, в таком случае, надо относиться с большим уважением.

«Ты еще за все ответишь!» - кричит мне розовощекий мальчуган с ножом в руке.

«Маловероятно» - отвечаю я и выхожу из автобуса. Он сильно продырявил мне запястье, хлещет кровь, я ловлю такси и еду к Саше.

У него в комнате нет кровати — он спит на матрасе, который днем сворачивает, все пространство занимают токарные станки, фрезы, электрорубанки, везде навалены доски, недоделанные заготовки, медикаменты, над всем этим висит большая боксерская груша. Саша готовится к войне, он тренируется каждый день, работает на скорой помощи сутки через трое, ходит в храм по выходным, делает мебель и читает экстремистскую литературу с мобильника. Он готов к вторжению, к тотальному коллапсу третьего мира, новой войне севера и юга, к Армагеддону. Он даже умеет строить срубы из стволов деревьев на болотах. Теперь Саша в ванной на газете штопает мне руку.

«Не лезь никуда сегодня, рана может снова начать кровить. В прошлый раз ты расхуячил мой гипс через два дня».

«Затягивай потуже, все в порядке. Сегодня вечером надо будет прищучить еще пару мудаков».

«Вы все бакланы, это не почетная масть. Люди воруют и убивают, чтобы есть, а вы садитесь, непойми зачем. Так нельзя. Так черные нас всех перебьют».

«Никаких черных не надо, в этом городе большинство – беспомощные нытики и завистливые онанисты, они перережут тебе

горло, пока ты спишь. А мы как раз, мы все, наоборот, начеку. Мы живем, понимаешь, и живем хорошо. За три года мы многого достигли, – нас было десять человек, - теперь нас около сотни, и будет еще больше. Ребята, которые не имели в жизни никаких шансов, поднялись, почувствовали себя нормальными, ценными, сильными людьми. Не трусами, не предателями, не теми, кто ищет, где теплее, не всеми этими городскими идиотами, которые не знают, что происходит у них во дворе. Конечно, оно того стоило. Ну и повеселились, конечно, на славу».

«Про что эта песня?» - спрашивает Саша у таджика, нарезающего капусту в круглосуточной шаурме. «Про маму». «Так предыдущая, ты говорил, тоже была про маму?»

«И эта про маму».

«Вот видишь», - Саша поворачивается ко мне, - «они победят».

Мы стоим за красными металлическими столами, в неуклюжих ватниках и сапогах, облокотившись о стену, мы заебались. С 6 вечера до 9 утра мы видим одно и то же — пустые переходы, грязь, фекалии, полусгнивших людей, невменяемых мудаков, замерзшие трупы, собак, ментов, снег. Это все так примелькалось в глазах, вошло в нас, мы почти забыли о том, кто мы такие и что здесь делаем, только грязь и холод. С нами Ира — медсестра-рокерша с добрыми, усталыми глазами и Серега — боксер тяжеловес. Он испытывает постоянный голод, безработный и злой. Три года назад он продал свою квартиру и ушел в монастырь в лесах. Там он валил вековые деревья и отращивал черную бороду в течении двух лет, а, затем, осознал, что все, чего он действительно хочет — это жить нормально в квартире, с бабой, смотреть бокс по телевизору и прочее. Он изошел из лесов, приехал обратно в Москву и оказался без жилья, работы и денег. «Искушение,» - говорит он.

Вообще, на скорой помощи искушений много, здесь я перестал ценить человеческую жизнь, потерял последние остатки сочувствия. Мы беспрерывно пиздили бомжей, они лезли на нас в безумии, они не чувствовали боли, их можно было бить бесконечно. Еще бы они чувствовали, если половина их тел покрыта гангреной и трофическими язвами. Ты голодаешь, от голода на твое тело приходят трофические язвы, ты греешься на теплотрассах, получаешь ожоги на всю спину, ты спишь на улице зимой — на утро часть твоих пальцев уже отмерли. Все это гниет и неизбежно ведет к гангренам, потом такие, как мы, начинают тебя нарезать, как колбасу, все выше и выше, пока от твоих ног не останется ничего. Чтобы не чувствовать боли ты пьешь

средство для ванн «Русский север», от него честь клеток коры головного мозга умирает и ты сходишь с ума. Побочные эффекты. Срешь в штаны и думаешь, что все в порядке.

Люди часто умирали у нас на руках. Они лежали в пустых холодных переходах, а мы стояли над ними. Иногда Ирка молилась, читала 22 псалом. Однажды мы пришли к такому телу, а собаки уже отъели ему лицо. В другой раз мы нашли мужика в голубятне, он лежал там на земле уже 3 месяца. Он был парализован, испражнялся под себя последние три месяца, все это смерзлось с его телом в один комок, с наступлением морозов. Так он пролежал до марта, живой. Вокруг него суетилась и стонала безумная женщина, она кормила его с ложечки все это время, гладила, целовала синие татуировки, которыми было покрыто все его тело. Она ничего не понимала и почти не говорила уже на человеческом языке. Скорую вызвал мужик из соседнего дома, его собака почуяла запах гнилого мяса.

Мы никак не могли отодрать того парня от земли, он примерз намертво. Потом мы придумали — вскипятили воду в чайнике и начали поливать его крутым кипятком. Голубятня наполнилась паром и запахом, который не забыть. Мужик начал немного постанывать. «Володя, Володенька, тебе не больно?» - лепетала его заботливая подруга. Ему не было больно, он уже ничего не соображал, а тело наполовину отмерло. Или было, не знаю. Я лил кипяток на него и тут мне позвонили, другой рукой я нажал на кнопку — отлично, опять резня в центре города, пострадавшие, задержанные. Нет, я не могу сейчас приехать в ОВД, я на работе. Завтра поговорим, пока.

Володю доставили в «ленинскую комнату» одной из больниц Москвы. Это такая комната без мебели, один бетонный пол, которая находится рядом с приемкой в любой из горбольниц. Туда стаскивают всех бомжей и закрывают ее на ключ. Там он, вероятно, и умер.

Наш начальник, православный энтузиаст Илюша, строго следил за моральным состоянием сотрудников, увольнял мужиков за пьянство, мат, агрессивное поведение. Его заместительница, Маргарита Михайловна, худая высокая женщина с бледными тонкими губами, покрывала наши проделки перед ним и выдавала нам лишние пайки, поила чаем. Через год я узнал, что ее похоронили, у нее уже давно был рак. Илюше Патриарх Всея Руси выдал орден Андрея Первозванного за дела милосердия.

«Знаешь, Саш, я что-то очень сильно устал. Все это кажется бесполезным, мы делаем работу, ненужную никому, мы никому не нужны, на самом деле, нас все считают тунеядцами, бездельниками. Я

действительно очень устал за эти месяцы, вот-вот потеплеет, я хочу нормально отдохнуть».

«Знаешь, не советую. У меня было много друзей сложной судьбы, которые тоже, однажды, решили начать отдыхать. Обычно их отдых продолжается не очень долго, достаточно скоро он заканчивается в тюрьме, в наркологичке, в могиле. Не надо отдыхать, знаешь, таким, как мы нельзя начинать отдыхать».

Аня рассказала историю из детства, она очень хорошо ее запомнила, кадр за кадром. Как-то раз они сидели дома, и за окном что-то пронеслось сверху вниз. Они выбежали на балкон посмотреть и увидели на асфальте тело маленького мальчика с 8 этажа, все в крови. Он был еще жив, но очень скоро испустил дух. Наверное, играл на балконе, поскользнулся и выпал как-то.

Приехала скорая, заезжает во двор, но с другой стороны, не там, где лежало тело. Смотрят — на общем балконе 8 этажа стоит баба в халатике и курит.

«Эй, алло! Мы тут что-то заблудились, это какая улица?»

«Такая-то. Где вас только находят таких, если вы в своем районе путаетесь!»

«Да мы тут дом ищем, никак найти не можем, как-то криво все корпуса построены».

«Это у тебя в штанах криво построено, а наши дома тут уже 20 лет стоят, никто не жалуется».

«Ну вот нам нужен дом номер такой-то и корпус этакий».

«Так это он и есть, дурень, чего приехал-то?»

«Да вот, тут сигнал поступил, соседи позвонили... у вас ведь 8 этаж?»

«Ну да, а чего стряслось-то?»

« Да я у вас должен спросить, вы ж там стоите, ваши соседи нам уже обзвонились».

« А в чем дело?»

«На вашем этаже из среднего балкона только что ребенок выпал».

Это оказалась его мать, не хотела курить при ребенке.

Человек – муравейник. Хитрое нагромождение различных клеток, этакая колония, как коралловый риф, например. Они живут в симбиозе и выполняют различные функции, на общее благо, процветание и размножение колонии. Муравейник растет, расширяется, делится, вымирает.

Дали по нему ногой, разворошили – муравейнику больно. Растоптали муравьев, запалили на нем костер – муравейник плачет.

Слепой Вилли Джонсон — один из великих блюзменов начала XX века, его голос, хриплый и спокойно-фанатичный, наполняет мою жизнь смыслом, когда я его слышу.

Джонсон родился в нищей негритянской семье, как и все легенды блюза. В 11 лет мачеха в приступе бреда жестокости плеснула ему кипятком в глаза, Вилли ослеп. Все его родственники трудились день и ночь на угледобывающей шахте, а он теперь оказался совершенно бесполезен, его выкинули на улицу побираться. Многие дни и годы он просидел на перекрестке дорог в своем городе, в куче мусора, перебирая на ощупь струны сломанной гитары. Он играл слайдом, для этого он прижимал струны перочинным ножом, и они издавали ломкие, надрывно-тягучие звуки. Он пел собственные песни, все они были о Боге, очень простые, как детские считалочки, где одна и та же фраза повторяется помногу раз. И эти фразы западают в сердце навсегда, один раз услышав их, ты напеваешь их беспрерывно, они уже внутри тебя. В них все страдание, простота, нищета, величие, пафос, заложенный в христианстве, в идее Бога вообще, простые слова обо всей нашей жизни.

Когда Вилли было около 30, его случайно заметил какой-то воротила звукозаписи, вытащил его из помойки и заставил записать пластинку, а также, сфотографироваться в костюме. Эта фотография осталась единственным изображением слепого Вилли. Пластинка пользовалась успехом, и через некоторое время продюсер сделал Вилли огромный подарок — купил ему дом. Впервые в своей жизни Вилли обрел постоянное место жительства, представляю, как он был счастлив.

А потом случилась большая гроза, и молния угодила прямо в его домик, тот загорелся. Слепой Вилли ничего не мог поделать, он метался, как-то выбрался на улицу, начал звать на помощь. Но вокруг жили белые люди, они не считали своего нового соседа за человека, никто так и не вышел и не помог ему. Дом сгорел дотла, Вилли остался лежать на пепелище под проливным дождем, заболел плевритом и, через несколько дней, умер.

Я часто слушаю его песни в своем плеере. Недавно, находясь в компании дамы, поймал себя на мысли, что все время напеваю про себя какую-то мелодию. Это оказалась «Can’t nobody hide from God» слепого Вилли, к моему изумлению.

Одна молодая одинокая мать, усталая женщина из убогого городка, как-то сказала мне: «Все русские мужики — говно. Они ничего не могут, пока не напьются, а когда напьются — ничего не могут». Она

беспрерывно крутила колесо швейной машинки и грустно смотрела мне прямо в глаза.

Советский человек — мой друг. Я узнаю его глаза. Он не лжет, только крутит обреченно желваками на скулах. В своих тесных квартирках он молча стареет и отращивает усы, в будни он пьет крепкий чай, в выходные — водку. Когда я прихожу к кому-нибудь в гости, я сразу смотрю на обои — если они старые, в цветочек, с подтеками, пузырями, фотообои, дурацкие календари — я в доме, где меня поймут. Здесь живут честно, никому не верят, многих презирают, бесконечно пьют чаи и ждут, когда же это все кончится. Добро пожаловать в мир пропащих, некрасивых, замкнутых, недальновидных. Здесь мой дом, мне не нужно другого.

Федя рассказывал про один из первых своих выездов за Спартак. Ему было лет 16, они с ребятами с района погнали на электричках в Ярославль. Тогда фанаты еще выглядели не как голубые, а как надо: куртки «пилот», тяжелые ботинки «спецназ», шарфы. Вроде, Федя тогда еще не брился наголо, и еще у него были подростковые усы, я видел на фотографиях. Все перепились, в результате, в городе Александров сотни оголтелых малолеток вышли на улицы и начали все громить на своем пути. Сразу приехали автобусы с ОМОНом, армия, начали всех хуячить, часть людей повязали, уложили на асфальт человек 200, руки за головы. Остальные с боями начали отходить к станции, но электрички перекрыли, и было решено захватить здание вокзала. Расхуячили первый этаж, все разнесли, забаррикадировались на втором, в зале ожидания. Там были железные скамейки и столы, они сразу пошли в ход, полетели из разбитых окон на головы подступающим мусорам. Когда скамейки кончились, ребята огляделись вокруг и поняли, что, кроме всего прочего, в зале ожидания располагается кафе. Толпа подростков рванула в бар, разбили витрины, хватали, что попадется в руки и пили из горла, начался хаос. Федя перепрыгивает через барную стойку и кричит обмершей от страха продавщице: «Кассу давай!»

Блядь, это самый охуенный заряд, который мог крикнуть ебнувшийся подросток продавщице, будучи забаррикадирован на втором этаже провинциального вокзала. Через секунду менты выносят заграждения из мусора и, прикрываясь подобранными внизу скамейками и столами, врываются в зал и отправляют всех в ад.

Сравниться с этим зарядом по крутости могут немногие фразы. Вот, пожалуй, еще неплохо, один знакомый рассказывал, как он, примерно в то же время, что и дебош в Александрове, и примерно с те

ми же людьми, поехал на выезд в Чехию. В Праге они опять перепились и устроили, примерно, то же самое, ну и реакция чешского спецназа тоже была обычной. Так вот, он вспоминает, как его грузят в переполненный полицейский грузовик с решетками, а на земле рядом лежит очень пьяный бритый парень в наручниках и кричит во всю глотку: «Я русский солдат!» Вот это настоящая победа, наши танки снова в Праге!

Позавчера, во время очередной демонстрации и погромов, я вспомнил этот эпизод, и устрашающий клич Русского Солдата обрушился на головы импортных копов вместе с градом кирпичей и осколков.

У меня внутри пружина. Она скручивается каждый день, теперь она полностью сжата, собрана, готова к действиям. Теперь, пока она будет медленно раскручиваться, меня будет питать ее энергия изнутри. Она сделает меня сильным, ловким, умелым, даст силу решительности, все станет четко на свои места. Я люблю это состояние, люблю, когда она свернута, я знаю, что теперь она не подведет, я не подведу, буду таким, как надо. Каждое движение, слово, поступок будут теперь простыми и четкими. Если она теперь выстрелит, развернется, я буду готов ко всему.

На Афоне есть самый строгий монастырь, он называется «Эсфигмену» - «сжатый». Так же переводится и слово «йога» - «сжатый», «натянутый» на санскрите. Многие переводят все это в смысле «собранный», «строгий». Но мы-то с вами понимаем, что речь идет, конечно, о пружине.

Я смотрю в окно электрички на приближающийся перрон, на нем выстроилась просто какая-то ебическая армия! ОМОН, солдаты, овчарки, пиздец, вся платформа перегорожена. Поезд останавливается, всех принимают, остальных пассажиров пропускают через два кордона, дважды проверяют документы. Я прохожу через строй солдат, меня не замечают, покидаю территория вокзала. Мы везли сюда армию на бой и вот, теперь я один. Снова Нижний Новгород.

В этот раз мы собирались сгруппировать здесь больше ста человек, из Москвы приехали машины, доверху груженые арматурой и прочим. Оппонентам тоже не отставали, собирали за месяц всю область, но им должен был настать пиздец. Теперь они сами, наверное, прячутся по всему городу от ментов, в городе введен специальный план. Неудача.

Первый раз я ехал сюда: завтраки на помойке, ночевка в монастыре, бритоголовые паломники, огромная надпись на главной площади - «Господи, спаси Россию от Жида!» Второй раз — в

электричке местные селяне попытались отжать мобильник у нашего гитариста. В следующую секунду колхозник в ужасе смотрит на кисть своей руки, половина которой беспомощно болтается, отрезанная макетным ножом. Его и прочих долго пиздят в тамбуре, выкидывают на каком-то полустанке. Привет из Москвы, двери закрываются.

В третий раз, по пути в Нижний — ночевка на станции Петушки, штурм здания вокзала местными. Мы забаррикадировались там на всю ночь, спали по очереди вповалку на полу, ребята утеплялись, запихивая себе в куртки «пилот» бродячих котов.

В четвертый раз — драка, принималово на вокзале, пробежка по ночному городу, ночевка в круглосуточном гаштете, престарелая проститутка выдавливает прыщи таксисту.

Наш агент в Нижнем — Костя, он принимал участие во всех наших проделках, когда мы отправлялись на восток. Он кричит в одной рок группе, у них не было ни одного концерта, обошедшегося без драки и беспорядков. Это хорошая статистика для российской сцены.

Он говорит: «Мне надоело, это скучно. Столько лет и все одно и то же. Я думаю подать документы в контрактные войска, поеду на Кавказ, валить черных. У меня будет автомат, мою жопу будут прикрывать танки и авиация. Я знаю, что мне действительно нужно».

Недавно мы шли по улице куда-то, у кафе стояла какая-то молодежь, мы прошли мимо и услышали, что они что-то кричат нам вслед. Мы развернулись и начали их избивать. Из-за колонны на меня выскочил высокий сухощавый подросток и нанес мне несколько ударов в лицо, рассек мне бровь. Я этого практически не заметил, не уклонялся, продолжал идти на него, тот убежал в кафе со своими друзьями и заперся в нем. Мне наложили два шва в травмпункте, а я немного задумался. То, что приносило почти единственную радость последние годы, в тот день не вызвал никаких, совершенно никаких эмоций, просто очередная драка непойми с кем. Я чувствую тоску. Кажется, я потерял нить, теперь ко мне можно подойти и начать меня резать, а я буду думать о своем. Первый звоночек.

Второй прозвенел через пару месяцев о мою голову, когда мне раскроили затылок ножом в электричке, и истыкали все тело. Все, что я помню из эмоций в те секунды — желание пиздануть хоть одного из мудаков посильнее и тоска. Возможно, в следующий раз, когда такое произойдет, я просто встану на колени и восславлю Иисуса. Думаю, мне стоит избегать теперь случайных драк, в них меня могут случайно убить просто потому, что я однажды заскучаю или задумаюсь о чем-нибудь.

Буквально перед отъездом, гостил денек в Нижнем Новгороде и спустил с лестницы в троллейбусе какого-то блатного мужика, надавал ему по ебалу, и не заметил, как он чем-то порезал мне горло, на шее растянулась длинная неглубокая рана. Еще швы. В тот момент я чувствовал себя нормально, но, конечно, тосковал немного. Теперь у меня 7 колото-резаных ран. Еще 17 до 24.

Отчаянные домохозяйки кончают с жизнью, выпивая средство для прочистки засоров, а в средневековой Японии самураи резали себе животы. Это была почетная смерть, ее удостаивались за прошлые заслуги. Почему именно так, болезненно и мучительно?

У Ремарка есть фраза, что храбрость имеет место только тогда, когда у тебя есть возможность защищаться. Когда твои руки судорожно сжимают оружие. В исландской саге викинг просит дать ему возможность лишь дотронуться до своего копья перед смертью – так он сможет причислиться к павшим в бою, попасть в Вальхаллу. Ты не бежишь от жизни, не бежишь от зла – ты готов встретить смерть с оружием в руках. Самоубийцы обрекают себя на механическую смерть, как на скотобойне. Их убивает яд, который уже проглочен, асфальт, когда летишь к нему с верхних этажей, петля, которую никак нельзя растянуть. Это переносит всю ответственность на гравитацию, действие токсинов или иные универсальные законы, ты – их жертва.

Но когда ты перекусываешь себе язык или снова и снова вонзаешь себе нож в живот, крутишь и вертишь им внутри, перемалывая собственные внутренности – ты ни на кого не перекладываешь ответственность, с каждым ударом, с каждым взрывом невыносимой боли ты говоришь – я сам, это я. Я не сдаюсь, не капитулирую, я на войне и готов нанести свой решающий удар. И дрожащие пальцы сжимают холодную сталь.

Ненавижу всех этих людей, все это поколение ебаное. Все, кто вырос в девяностые. Вонючие мудаки. Знаете, наши дела, и дело Феди тоже, их все вели какие-то двадцатипятилетние упыри, или даже младше. Меня допрашивали вообще люди 88 года рождения. Одетые по этой своей гадкой моде, в каких-то куртках мудацких, с прическами, как у голубых, они были неотличимы от всех тех людей, которых мы били все эти годы. И фразы, и язык тот же, шутки убогие, приколы из Интернета. Они острили и заигрывали с Катей, девушкой Феди, на допросах через день после его убийства. Блять, в печь этих скотов, в Освенцим, никого не жалко, все поколение, всех, кому от 20 до 25, можно и меня за компанию, ладно. Жадные, тупые, жестокие, беспомощные, циничные, трусливые – надеюсь, Третья Мировая война

сотрет сучье племя с лица земли.

«С праздником, пидарас!» - кричит Коля и всей своей стокилограммовой массой наступает на лицо человеку в маске, лежащему на асфальте. Его товарищи, человек двадцать, бессмысленно мечутся и режут воздух ножами метрах в двадцати. Они хотели убить пару человек во время нашего концерта в лесу, но что-то пошло не так, и из рощи на них внезапно выбежала толпа с кусками деревьев, коряг, металлическим мусором. Они теперь сами оказались в роли жертв.

«Назад! Застрелю, мрази! Всех, перестреляю!» - орет мусор из подоспевшего наряда и тычет в Колю дулом АКМ. Вместо того, чтобы подчиниться, Коля направляется прямо к нему и дает ему по ебалу, но как-то неуклюже, он очень пьян, и сам валится на руки подоспевших соратников, которые уносят его тело обратно в лес. Охуевшие менты объявляют какой-то экстремальный план подавления мятежей, приезжают сразу четыре автобуса ОМОНа, начинается зачистка лесополосы. Мы грузим звуковую аппаратуру в машину и начинаем отступать в Подмосковье звериными тропами.

Середина апреля, снег только сошел, грязь, слякоть, довольно прохладно. Мы сидим с музыкантами на пеньках и бревнах и слушаем вечернее пение птиц. Опускаются сумерки.

Нескольких людей тогда все-таки задержали, у одного паренька изъяли пакет с тридцатью нашими дисками. Концерт в лесу – это была презентация нашей демо-записи. Менты в отделении врубили один диск и пришли в ужас с первых секунд.

«Что это за хуйня!! За одно прослушивание этого говна надо сразу сажать или расстреливать!»

Лги, кради, убивай – злые правила одни для всех; менты и политики лгут не хуже тебя, мы или они – кто выживет в этой войне? Кто-то должен убить друг-друга, кто-то должен стать хуже всех, кому-то придется умереть.

Лги кради и убивай – лицемерь и претворяйся; обмани их всех! Ты не станешь хуже, чем ты есть. Воруй, выноси, обувай! Успеешь первым! Успеешь первым! Хуже, чем все они вместе – лги, кради и убивай.

Рождены в 80е, в нас убили детство – в разрушенной стране мы пытались быть людьми.

Я вспоминаю, как был не нужен, как мы росли в неполных семьях. Я вспоминаю те минуты, когда хотел уйти из жизни. Долгие зимы 90х – теперь все это в прошлом…

Но смерть приходит за нами из тех тягостных дней, боль и страдания оставляют свой след. Мир, где все умирают; город – убийца надежд…

Кто следующим из твоих близких не вернется домой?

То, что ты любишь, будет разрушено первым.

И всадник на бледном коне летит каждый день над Москвой, и слезы из мертвых глазниц катятся с неба дождем.

Тед Качинский – профессор математики, объявивший войну человечеству. В 1971 году он покинул цивилизацию и поселился в лесах штата Монтана в самодельной хижине, питаясь добытыми охотой кроликами, выращенными скудными овощами и собранными кореньями. Кроме того, в своем уединении, он собирал самодельные взрывные устройства, упаковывал их в посылки и отправлял по адресам виднейших лабораторий, научных центров, университетов. В результате его деятельности погибло 3 человека, 29 были ранены. ФБР искало его 18 лет и дало ему кличку Unabomber (от «UNiversities and Airlines BOMbings» — «УНиверситетов и Авиакомпаний БОМбардировки»). Тед хотел парализовать общество, целясь в его самые уязвимые узлы, системы коммуникации, транспорта и научные объекты. Общество объявило его техногенным кошмаром 20 века, сделало из него врага номер 1, монстра, способного уничтожить любого. 3 апреля 1996 года Тед был арестован, благодаря тому, что его опознал собственный брат. Сейчас он отбывает 4 пожизненных срока в федеральной тюрьме ADX Florens в Колорадо, принадлежащей к разряду supermax, это один из наиболее охраняемых объектов в США.

Тедом написано несколько статей, «Манифест Унабомбера» или «Индустриальное общество и его будущее», рассказы, из которых наиболее известным является «Корабль дураков».

Сейчас у Теда тысячи поклонников во всем мире, его называют одним из прародителей анархо-примитивизма. Не уверен, что это корректно, в своих работах он, скорее, использует правую, традиционалистскую платформу. Впрочем, возможно, на том уровне искренности, которого он достиг, это уже не важно. Интересно, что в тюрьме Тед вел себя крайне необщительно и за все время смог наладить доверительные отношения только с парой людей. Среди них был Тимоти Маквей, расовый террорист, подорвавший бизнес центр в Оклахома Сити в 1995 году, его содержали в ADX перед смертной казнью. Тогда погибли 168 человек, большая часть из них были белыми, никто не мог понять, зачем он это сделал. После ареста, Тимоти объяснил, что в своих действиях и методах борьбы он

ориентировался на книгу Уильяма Пирса «Дневник Тернера» - неонацистскую антиутопию, в которой отстаивается мысль о том, что достижение Белого Господства не может быть никак связано с изменением существующего режима или террором против отдельных людей, единственно верный путь – тотальное разрушение всей Западной Цивилизации, провокация Третьей Мировой войны и заключительная битва рас в условиях ядерной зимы. Только лишившись электричества, всех привычных удобств, опиума масс-медиа, арийский человек, сможет, наконец, внять зову нордических предков и победить в пламени нового Армагеддона. Качинский не был расистом, но с Тимоти они нашли общий язык.

Тед стоит над всем миром как Палладин новой эры, его защита – примитивизм, его оружие – террор. Он никому и ни во что не верит, всегда одинокий, самый слабый, лишенный всего, и, одновременно, всесильный.

Ted Kaczynski Евротур, часть 6. Прага.

…уже 2 часа ночи, мы, в коматозе, мчимся по скоростной трассе в сторону Чехии. Ночлег запланирован в Праге, в сквоту Милада, мы долго пытались прозвониться туда, в конце концов какой-то чех сказал, что все ок, надо будет просто подъехать к нему и покричать как можно громче, чтобы обитатели нас пустили..

Около 4 ночи подъезжаем к Праге, дичайшая темень. Выясняется, что чешская подруга Клара, ехавшая с нами, не знает адреса, но может показать, как туда ехать... тут я немного вырубился, проснулся от интенсивной тряски и качки - мы были в аду! Вэн медленно ехал сквозь какие-то пустыри, леса, дачные участки, очень хуевые, как у нас в Подмосковье, дороги не было, но были огромные провалы и колдобины. Наш водитель, польский рокер Лукаш, приказал нам всем выйти и толкать вэн, иначе он не мог вылезти из этого говна. Опять провал в памяти, потом картина - мы все тормозим вэн, который медленно сползает куда-то в овраг... Внезапно, тропа, по которой мы ехали, заканчивается на какой-то помойке, вниз - крутой овраг, вокруг - лес.

Что за хуйня? Где мы? Внезапно видим огонь - маленький костерок показался из-за кустов. Мы крадемся туда, рядом с костром стоит мужик в дрэдах, в лохмотьях, "Меня зовут Роберт, привет!".

Он ведет нас за кусты, в какие-то деревянные руины, очень впечатляющий Дом с привидениями, погребенный за горами отходов. Поднимаемся по деревянной лестнице, по ней струится вода, на полу мусор и кал собак, очень пахнет бензином. Проходим коридоры,

заваленные строительными отходами, в конце – дверь, мы все наваливаемся на нее, чтобы проникнуть в комнату.

Адский холод... Кроме нар и печки в углу, в комнате находится еще гора хлама: сломанные велосипеды, обломки мебели, груды книг... К несчастью, присутствуют окна, без стекол, затянуты клеенкой или заткнуты тряпьем. Роберту тоже было очень холодно, ожидая нас, но вместо того чтобы растопить печь, он предпочел напиться. "Где дрова?" – я его спрашиваю. Он окидывает мутным взором комнату и говорит, что повсюду... "Обычно мы идем в соседние комнаты и отколупываем паркет - он отлично горит!". Мы так и сделали, нашли топор, пошли в другую комнату и нарубили там паркета. Теплее стало от работы, а не от растопленной печи... Мы повалились на нары, укутались каким-то тряпьем, которое нашли на полу, легли как можно интимнее. Внезапно прямо по нашим лицам непринужденно пробежала упитанная крыса. Мы, конечно, все прифигели, особенно дамы, но предпочли списать это происшествие на ночные кошмары... Вероятно, у зверушек проходила там трасса...

Утречко было атас... Как бывают такие романтические моменты, когда вы мечтаете, чтобы этот день никогда не кончался... Ну, так и бывают моменты, когда вы молите Бога, чтобы этот день не начинался... Мы опять простудились все, на заблеванной кухне, как дикари, мы накинулись на какие-то объедки, снова рубили паркет, чтобы почувствовать пальцы.

В Миладе не было воды. Правда, был артезианский источник на третьем этаже, из какой-то трубы или батареи беспрерывно хлещет вода и стекает через все здание вниз, медленно подтачивая фундамент... Туалет - на улице, местные обитатели даже решили не заморачиваться насчет пресловутой кабинки и просто испражняются в овраг или на стену Милады. Много лет назад Милада была очень развитым сквотом, в нем проводились концерты, жило полно народу, сейчас он в запустении, хотя, на различных чешских и словацких сайтах везде висят баннера The Reburth of Milada. Типа он возрождается.. Возрождение началось с того, что в него переехал тот самый Роберт, сам он родом из Братиславы. За ним туда вселилось еще пара человек, я не совсем понял, откуда они, но судя по внешнему виду, с Югов: из Югославии, Греции, Болгарии или Таджикистана... Они не говорили по-английски..

Мы собираем свои вещички и уебываем оттуда, в твердой решимости, никогда больше тут не появляться, хотя другой вписки у нас пока нет.

Прогулялись по городу, пожрали в кабаке "У Швейка", получилось довольно дешево, чешские кроны котируются... они почти такие же нищие, как рубли...

Приехали к клубу. Он находится в подвале общежития в студенческом городке, вокруг студенты, студентки… Первыми играла команда Jonestown, их вокалист работает продавцом в панк магазине, парой часов раньше мы удачно увели у него пару винилов... Отличный красткор в духе той же Wolfbrigade... Все уже нормально подогрелись... Потом вышли мы, и, почему-то, всем очень понравились. Думаю, отчасти это было вызвано тем, что мы очень не хотели возвращаться в Миладу и отрывались как могли... Я орал "Хули вы смотрите, уебки! Говори по-русски – айн цвай драй!". Потом меня осенило, и я вообще после какой-то песни начал орать "Ежин с Бажин" – песню – шедевр юмора в ЧССР в 70х. Люди полегли рядами просто! После этого инцидента нас уже не переставая носили на руках (бетонный потолок был довольно низкий, и добрые руки нас просто поднимали и били о него снова и снова!), люди выхватывали у меня из рук микрофон и, в лучших традициях СНГ, просто орали туда благим матом...

Мы сыграли уже всю программу, следующей должна была играть отличная группа из Барселоны – Holocaust in your head, но чешские ублюдки все орали: "Пизда! Еще!", - и нам еще пришлось сыграть пару старых хитов... Когда и они уже иссякли, мы стали сваливать со сцены, а нас настойчиво не пускали и выталкивали обратно.. За меня уцепилась какая-то девушка и не выпускала в зал.. я ей говорю по-русски: "Давай, ты будешь плясать голой!" – и тут получаю такой удар в челюсть, что просто улетаю на несколько метров... и, вдогонку, крик: "Иди играй, а то еще получишь!" По-русски! Так мы познакомились с Лерой из Москвы, очень горячей блондинкой! Она была пьяна и поведала нам, что приехала сюда кутить неделю назад, и за все это время ни разу не потрахалась, о чем очень сожалеет. При этом она не уставала бить нас и кусать за соски наши обнаженные торсы! Она сама была почти голая и продолжала четко загружаться в баре и загружать нас. Это была победа русского духа!

Мы осознали наш шанс. Под предлогом секса с Лерой необходимо было вписаться к ней на хату в ввосьмером. Зажечь эту горячую даму мы поручили Руслану, как единственному холостяку в группе, но он внезапно проявил какие-то ретроградные чувства и пошел на попятную. Мы потащили их в элитную гримерку, где продолжили спаивать обоих. В этот момент выяснилась подробность, что Лера

приехала в Прагу не одна, а с мамой, с которой живет в одном номере... В свете новых обстоятельств, когда выебать предстояло еще и маму, отговорки Руслана стали уже вовсе неуместны. Нам очень не хотелось назад в Миладу...

Тем временем заиграли испанцы, и тут уж вся толпа, и мы вместе с ними, просто устроили хаос-беспредел, мясорубку и даже поднимали на руки увесистых музыкантов! Для большего веселья, мы кинули в самую гущу пьяную Леру, попутно снимая с нее остатки одежды. Чехи поняли, что значит Русская победа! Мы подняли ее, и преподнесли на сцену, как заслуженную награду испанцам. Потом мы преподнесли им Руслана. Потом преподнесли меня и еще пару людей. Все эти дары оставались валяться на сцене, потому что не могли уже выбраться обратно в зал из-за неимоверной давки и бешенства.

В общем, пиздец, они тоже отыграли всю программу, а их все не выпускали. Они говорят, все, не будем больше играть, сколько не просите. Я вытащил к ним наше секретное оружие – белокурую Леру и дал ей указание, предложить им отсосать, если они сыграют еще песенку. Она подошла к гитаристу, что-то ему сказала - тот без колебаний схватился за гитару и начал рубить рок! Дебош продолжился с новой силой!

Дальше я смутно помню... Мы снова братались с испанцами, все братались с нами, я раздавал фирменные диски и нехило наживался. Было уже далеко за полночь, и группы все отыграли, а народ и не думал расходиться, тут привыкли, видимо, гулять до полного поражения... В чаду мглы мы куда-то потеряли Леру и никак не могли ее найти. Испанцы не признавались… Это был провал, надо было срочно найти вписку, но.. Поганая Европа, там что, вообще не принято вписывать людей? и пусть их восемь, но зато какие! Наконец мы нашли какого-то алкаша, он, опять же, говорил по-русски и был готов к диалогу. Я оставил Руслана договариваться с ним, а когда вернулся – они уже пили спирт! Это снова было поражение, на этот раз я пошел прямо к организатору концерта – вокалисту группы Guided Cradle Этану и сказал, что не намерен больше терпеть отели с хвостатым персоналом и, если на следующее утро нас найдут в Миладе замерзшими и без лиц – это будет на его совести. Этан был уже очень пьян, но взялся за дело со всей ответственностью и, с важным видом, сделал пару звонков, после чего объявил, что слугам приказано предоставить нам в Миладе новые апартаменты и протопить их по-русски. Что ж, хоть так...

Где-то к трем утра нам, наконец, удается выбраться из плена

кабака, вытащить из него всех заморских обитателей, в ходе этого мы потеряли Клару, зато нашли за каким-то ящиками Леру. Мы очень обрадовались, но преждевременно, она была без сознания, и, как мы ее ни переворачивали и ни глумились над ее телом, признаков жизни так и не подавала. Пришлось расписать ее пентаграммами и свастиками и положить обратно...

Приезжаем обратно в вонючий гадюшник, нихуя там лучше нет комнат, чем та, в которой мы кутили до этого, пьяный Роберт валяется посреди кухни со сворой собак... Достаем всю еду, которая оставалась, давимся ей, я замечаю в углу кастрюлю, полную какого-то варева, я спрашиваю у Роберта: "Это по-вегану? Это сегодня приготовили?" Он кивает головой, да, по вегану. Отдаю кастрюлю Руслану, он пытается ее подогреть на печке, все это в полной темноте – в дизель-генераторе, который стоял в подвале и вырабатывал немного электричества, кончилось топливо.

Садимся есть, Роберт садится с нами, чего-то рассказывает... И вдруг начинает орать: "Что вы делаете?? почему вы едите это? Это еда для собак!" Мы в ахуе, Руслан побежал сразу блевать, а потом рыдать - еда была не по-вегану... Именно в этот момент, нажравшись собачьей еды в разрушенном здании с крысами где-то в аду, его дух был надломлен. С этого момента Руслан преобразился и двинулся решительными шагами в мрак запоя...

Сижу ночью в кафе, смотрю в окно. Сегодня Friday night, улицы заполнены народом, хотя уже далеко за полночь. Арабы, негры орут и смеются у входов в бары, в круглосуточное кафе, где я сижу, набилось человек сорок, все греются, болтают и пьют кофе. Через час я выйду отсюда, передо мной пять тысяч километров, пять ночевок в непредсказуемых местах, пять дней, наполненных непрестанным кутежом и около 20 евро на все. Пружина готова развернуться полностью, поехали.

Допиваю кофе, выхожу на улицу, иду через незнакомый город на автовокзал. Тысячи белых такси проносятся мимо, люди жмутся в круглосуточные закусочные, достаточно морозно. Сажусь в автобус, еду до порта, загружаюсь в огромный двенадцатипалубный корабль-казино. У меня самый дешевый билет – без места в каюте, я просто ложусь спать на одном из диванов в углу игорного зала. Просыпаюсь утром от сильного голода, 20 евро отложены на поезд, роюсь в карманах, нахожу 20 центов, иду в казино, нажимаю на кнопку в игральном автомате, и, внезапно, 20 центов превращаются в 5 евро. Завтрак.

Переплываем море, выхожу в грузовом порту, часа три пытаюсь поймать машину, ничего не получается. В конце-концов меня замечает полиция и гонит в какие-то леса, заблудился между скал, вышел в какую-то деревню, там русские дети рассказывают мне, как добраться на перекладных автобусах, аллилуйя.

Денег хватает только на полдороги, выхожу, метет поземка, полное отсутствие средств. Вечереет. Иду в городскую библиотеку греться, там бесплатный Интернет и собрание Солженицына, проверяю почту – знакомый из Москвы пишет, что как раз заехал сюда сегодня навестить друзей и уезжает вечером. Мы встречаемся, идем на вокзал, крадем из магазинов еду и сувениры по дороге, садимся в проходящую электричку без билетов, претворяемся, будто сидим здесь с первой остановки, кондуктор проходит мимо, едем.

Мой иностранный знакомый приехал из Москвы на родину проведать родных и друзей. Он отмечает каждый городок, который мы проезжаем: «Здесь я сидел. И здесь сидел. А здесь тюрьма просто ужасная». Его срок заключения был разбит на несколько меньших, в связи с тем, что он учился в Москве и вынужден был ездить туда во время сессий… «Каждый раз, когда я приезжаю домой, я впадаю в такую депрессию, беспрерывно думаю о суициде. В этой стране самый большой процент суицидов в Европе, не могу здесь больше двух недель. Тут очень плохо, бесконечная мгла, даже деревья не настоящие. Вот эти деревья, у нас очень гордятся нашей зеленой страной. Посмотри, они одной высоты все, это насаждения, везде насаждения, смотреть на естественный лес мы ездим в Россию.

11 лет назад я приехал впервые в Москву, мы организовали под Ростовом большой эколагерь, против строительства терминала местного завода. Съехались люди со всей России, жили в палатках, бухали постоянно, песни пели. Потом приковали себя наручниками к большим бетонным блокам, поставили их на дороге, по которой каждое утро рабочие шли на стройку, так обычно делают протестующие в Европе. Рабочие утром все это увидели, отпиздили всех, кто там был, собрали палатки в кучу и подожгли. Я стою посреди всего этого пиздеца, все горит, люди валяются в пыли, думаю, все, конец. В Европе такое немыслимо. А на следующее утро русские еще выпили, настроили новых шалашей, купили водки, и лагерь продолжился, как ни в чем не бывало. Тут-то я и понял, что русские люди, конечно, более гламурные…»

Приезжаем, ночую у другого знакомого, проверяю почту – вчера в

Питере мрази заложили на огромный концерт бомбу с гвоздями, она чудом не взорвалась. Там было больше 600 человек, сумка со взрывчаткой была в самой давке. Все эти девочки, мальчики… очень плохо.

Утром перед отъездом еще один рейд грабежей по магазинам, еда и модная одежда исчезают в моей сумке. В полдень сажусь на рейсовый автобус с челноками, повсюду пахнет копченой рыбой и моющими средствами. Через несколько часов пограничник ставит мне в паспорт штамп – я снова на Родине. Грязный снег, солдаты в ватниках, овчарки… Приезжаю в Питер, оставшихся денег хватает ровно на билет до Москвы. Вечер у подруги, ночной поезд, питаюсь исключительно ворованным. Днем уже в Москве, на перроне стоят менты и отправляют всю молодежь на обыск. Добро пожаловать. Провожу два часа в отделении, когда доходит очередь до меня, начинается обед, отпускают без досмотра. Я рад, в рюкзаке вместо таблеток они нашли бы пулеметную ленту, электрический самотык-вибратор и четыре килограмма виниловых пластинок с кишками на обложках.

Время потеряно, не успеваю заехать домой, сразу еду к клубу. Сегодня там презентация диска знакомой группы, все наши уже в зале. Начинается шоу, обезумевшие люди прыгают в толпу со второго этажа, ходят по головам, Вова сегодня выступает в спортивном костюме, толпа штурмует сцену, то и дело у него отбирают микрофон. «Мы будем разбивать лица ублюдков в щепки».

Меня заботят насущные проблемы, я уже разложил на столе только что вывезенные из-за границы пластинки, и через полчаса у меня уже достаточно денег, чтобы покрыть свои расходы на ближайшие дни. Отдаю все свои вещи друзьям на хранение, переодеваюсь в туалете, три человека, которые тоже едут сегодня со мной в Киев уже ждут меня на улице, поезд отходит через час. Ловим машину, закупаемся в ларьках, едем.

Утро встречаем уже на Украине. Настроение – отличное, слушаем в плеере песни Михаила Боярского, гуляем по Крещатику, едим в столовых за гроши. Ночуем у подруг в пригороде, утром приезжают все наши, дебош, алко-трэш, теперь Боярского знают наизусть уже все. Ближе к вечеру все уже на взводе, встречаемся с местными на окраинах, все в бреду, пьяны. «Вперед гусары – ебать и резать!» - орет человек в беспамятстве и, тут же, блюет себе на дорогую куртку за тысячу баксов. Все грузятся в автобусы, едем на запад. Около 5 часов утра, на рассвете, останавливаемся на границе области и идем через

села и хутора на железнодорожную станцию. Прихватил морозец, отовсюду кричат петухи, мазаные хаты еще не проснулись.

Садимся все на первую электричку, въезжаем на ней в город. День выдался солнечный, гулять по кривым мощеным улочкам – просто класс. Оккупируем небольшое кафе прямо в центре и ждем, когда за нами придут. К нам присоединяются пацаны из Минска, они здесь с самого утра и, пока, никаких движений в городе не заметили. Ожидание длится уже больше трех часов, решили сами выдвинуться к стадиону, им навстречу. Маршируем колоннами через проспекты и бульвары, песня мушкетеров разносится на весь город. Рядом со мной идет парень и воодушевленно бормочет, глядя на памятник Степану Бенедере: «Потерпи, Русь-матушка, приехал биться за тебя Ванька калужский…»

Площадь перед государственным университетом, около четырех часов дня. Мы стоим плотным квадратом в шестьдесят человек – киевляне, минские, москвичи, - так, что флигель здания прикрывает нас сзади. Из парка напротив вываливается толпа местных идиотов, больше ста человек, они все идут к нам, приплясывая, и орут какие-то глупости. «Один за всех – и все за одного!» - кричим мы им, и первые ряды сходятся.

Дальше – кадры: разбитые лица, рваная одежда, куски асфальта, летящие мусорные урны, какое-то длинное хуйло из их рядов выбегает вперед, узнает меня и кричит от неожиданности: «Что ж вам все не сидится??». Потом – по сценарию: выстрелы в воздух, приезжают «космонавты», всех кладут на асфальт, потом лицом к стене, потом – в отделение. «Москаль?» - мент в приемке удивленно крутит в руках мой паспорт. Нас рассаживают по разным камерам, я попадаю в ту, где уже сидят один знакомый из Киева и один москвич. У москвича сильное сотрясение, он ебнулся рассудком, беспрерывно спрашивает нас: «Где я? А что, была драка? И я дрался? Да ладно! Вы меня наебывате!» - и так с интервалом в минуту, каждый раз одно и то же. Кратковременная потеря памяти. Через час он просто заебал нас.

Я стою перед железной дверью в вонючей камере в городе, где существует улица Джохара Дудаева, не спал больше пяти дней, не был дома больше двух месяцев, по коридору ходят украинские менты, а у параши окровавленный человек повторяет в тысячный раз: «Да ладно! Вы меня наебываете!»

Хорошо отдохнули.

«У меня гипоксия коры головного мозга. Мы все больны. Эти люди тоже больны» - говорит Олег, врач судебно-медицинской

психиатрической экспертизы, - «Поэтому мне надо накатывать иногда». Мы пьем водку в стоячей чебуречной, в нашей чебуречной, где и всегда.

«Тяжело тебе жить, наверное», - говорю я ему, - «Ты вот смотришь на людей и сразу все примечаешь, каждого – в свой разряд, каждому – свой диагноз».

«А как же, ну ничего, привыкаешь. Такова уж человеческая природа. Набор отклонений не так велик, разнообразие всех людей тоже не так велико. В этом нет никакого греха, в том, чтобы принадлежать к одному из нескольких десятков типов. Ты можешь рожать детей, достичь успеха в какой-то области, отдыхать по-всякому. Это не так уж плохо».

«Ну да, наверное. И не надо никакой души, ее упраздняет социальная психология и статистика».

«Это все статистика. Знаешь, ведь нет такой болезни – шизофрения. Все люди склонны к ней более или менее, она – часть человеческой природы, склонность к ее обострению передается по наследству. Когда мы ставим диагноз, мы не мудрим и не болтаем чепуху, как все эти психологи и психоаналитики. Я смотрю только – произошла ли уже диссоциализация личности, то есть, этот человек еще может жить в человеческом обществе или уже нет. Ведь все гении – шизофреники, вся разница в том, что у кого-то эта предрасположенность проявляется в умении слагать огромные числа, рисовать картины, писать симфонии, а у кого-то - в коллекционировании фантиков или в неумении завязывать шнурки и ухаживать за собой. Вплоть до физиологических отклонений, в тяжелых случаях. Все эти люди в наколках, которых мы обследуем, зомби, пустые оболочки от людей – полный распад личности, как куча мусора. Они топят детей, сидят по лагерям с детства…»

Мы выпиваем еще по одной.

«Знаешь еще… в психиатрии есть одна мысль, экстравагантное предположение. Что шизофрения есть ни что иное, как еще один, заложенный в нас, путь эволюционного развития вида homo sapiens. Возможно, среди нас рассеян ген новой расы, нового человечества, которое однажды придет на смену нынешнему. В каких-то условиях будущего нового мира, возможно, именно эти люди окажутся наиболее приспособленными, эффективными. Я уже сейчас смотрю вокруг, в метро, например, вокруг просто полным полно клинических типажей. Я боюсь за своего сына, наверное, когда он вырастет, на улицах уже будут одни психопаты».

Я познал – ты должен все время лгать. В этом нет ничего предосудительного, на войне как на войне. Ты в тылу врага, глубоко законспирирован, фальшивая история, документы, прошлое – «легенда». Сатана пытается найти тебя, вычислить, нейтрализовать, но у тебя есть вся твоя проницательность и несколько десятков лет, чтобы успешно обманывать его до самого конца и выйти победителем. Нет никаких законов, правил, все заповеди давно устарели, теперь Лукавый использует их сам, чтобы держать тебя под контролем. Стоит тебе проколоться, выдать себя – ты пропал. Он даст тебе маленький бэджик на лоб и правую руку: «святой», «честный», «хороший малый», «свой парень», «лентяй», «дурак, «нищий», «долбоеб», - и все встанет на свои места, ты пойдешь прямо к нему на обед.

Твоя задача – обмануть его, перетасовать все карты, не давать ему опомниться, постоянно менять пароли и явки. Тогда, возможно, он ничего не поймет, запутается, не заметит главного, неправильно оформит твои бумаги – и ты свободен! А вот те ребята, которые говорят всегда правду и борются за вечные идеалы – в наше время они его самые верные слуги.

Я часто смотрю со стороны и вижу кучу отличных девчонок, всяких студенток, любительниц рока, кутежей и веселья. Они действительно симпатичные, чего уж там. И я думаю, где же это я был, когда мне было восемнадцать, когда все было впереди, а жизнь должна была быть полна чудес.

Я тогда вышел из сельского автобуса на мосту через реку, по колени в грязи шел по полям и лесам, явился в монастырь и попросился жить в общагу для паломников. Там уже было человек 30, все ночевали в одной большой комнате, поделенной на четыре отсека деревянными перегородками. Все пространство было заполнено двухэтажными нарами, нельзя было курить и громко говорить, туалет – на улице.

Так и зажили, подъем в 6 утра, утренние молитвы в неотапливаемом подвале полуразрушенного флигеля, потом в 8 – веганский обед, капустный салат и вареный картофель без масла, потом снова на службу – в главном храме, потом – трудовая нагрузка весь день. Крошили асфальт, корчевали деревья, копали. Вокруг – уважаемая публика, серьезные люди сложной судьбы – пьющие, сиделые, странствующие. Теперь у нас одно имя – «трудники». Многие живут трудниками при монастырях всю жизнь, не стремясь к монашеству. У таких людей особый взгляд, будто внутрь, сухие руки обвиты плотными синими жилами.

После работы – снова в храм, на вечернюю службу, потом ужин, с чаем, после чая дозволяется полтора часа свободного времени, в общежитии надпись: «благословляется кипятить кипяток». Потом, в десять – ночные молитвы и сразу отбой, везде гасится свет, люди погружаются в сон на 6 часов. Все это называется «афонское правило», недавно я был на Афоне, что-то я там не испытывал подобных процедур…

Через несколько дней интенсивной терапии начинаешь чувствовать, как дух истончается, холодным утром, идя на службу через лес, будто растворяешься в тумане. Глаза в зеркале стали казаться больше, возможно, от повисших под ними синяков. Мой друг, который собирался остаться здесь насовсем и принять через несколько лет постриг, потащил меня на элитную встречу с местным старцем – схимонахом. В монастыре два старца, Илий был старший, его почитали и съезжались к нему со всей Руси.

Нас повели через длинные коридоры общежития для монахов, везде – ни души, будто все мертво. Остановились у старой двери в облупившейся краске, долго ждали. Потом нас пустили внутрь. Это была комната где-то 4 на 4 метра, дощатый пол, беленые стены, все в маленьких иконках, вырезанных из газет и календариков, печка-голландка, никакой мебели. В дальнем углу на меленькой синей табуретке присел сухой старичок с растрепанной белой бородой, он именно будто присел ненадолго, или как-то навсегда присел, что ли… Сложил ладони на коленках, весь в черепах, скелетах на черной одежде, смотрит в пол отстраненно, будто в забытьи. Мы потихоньку подходим к нему, кланяемся, он смотрит на нас тихими голубыми глазами. «Спрашивай, спроси его о чем-нибудь», - шепчет друг, а мне что-то нечего спросить, я просто стою рядом и смотрю на сухие ладошки на белых черепах.

И Илий сам тихо сказал мне что-то, я сейчас уже не помню, что.

Представляете – пропасть, луна, яркая, как дыра в Вечное Царство, горы вокруг видны на многие десятки километров, они такого цвета, как то маленькое перышко у селезня на крыле. Очень светло.

Мы разложили костер прямо на самом краю, вниз – метров четыреста свободного падения, весь Крым – как на ладони. Случайная встреча.

«Да, два года назад я тоже, вон как ты сейчас, решил пойти в горы один, разобраться с мыслями. Я решил сделать все четко, по аскетизму, из еды взял 5 килограммов гречневой крупы, соль и бутылку подсолнечного масла. И ушел на Алтай на три недели. Там

был как раз сезон, когда в горах совершенно никого нет, пустота, только эхо. На второй день масло у меня в рюкзаке разлилось полностью, это очень меня огорчило, пришлось питаться одной крупой. Я бы не ушел далеко на такой диете, но вокруг, на склонах, все было покрыто желтыми цветами женьшеня. Когда я уставал, я просто откапывал корешок, жевал его, и чувствовал чудесный прилив сил. Через десять дней начали происходить странные встречи, из пустоты вдруг появлялся как-нибудь персонаж, - старик, пастух, ребенок, - начинали говорить со мной, и все они предлагали взять у них немного подсолнечного масла. Сначала я брал, но потом, на следующее утро, оно каждый раз куда-то пропадало. Так продолжалось много раз, каждый день история с маслом повторялась, в конце-концов я уже отчаялся и стал отказываться от него. «Возьми немного масла, тебе же так его не хватает» - подступали ко мне странные люди снова и снова. «Нет, спасибо. Я уже понял, что вы – галлюцинации и духи, и вашего масла мне совсем не надо», - отвечал я им, и они исчезали.

Еще через неделю, на одном из перевалов, меня накрыла огромная грозовая туча. Начался буран, это как стена из льда и мокрого снега, летящая прямо на тебя. Я скатился по каким-то снежникам, забился под замерзший водопад и только и думал – Господи, помилуй. Рюкзак порвался, потерял в буране компас, все карты, половину вещей. Когда ветер немного стих, еле-еле дополз до леса, лег на кедровую хвою и пропал. Будто исчез. Маленький паучок плел свою паутину, я следил за каждым его движением, во всем этом была какая-то огромная сила и смысл. Я, не отрываясь, следил за ним больше пяти часов, а потом наступила ночь».

Как-то раз, дед вернулся из больницы очень взволнованным. У него снова было предынфарктное состояние, его сердце было готово разорваться уже в четвертый раз. Он сказал, что было не скучно, в палате попались очень хорошие люди, все душевные такие, а самый душевный оказался лечащий врач. Он был ко всем очень заботлив, добр и сочинял стихи. Один, дед даже переписал к себе в записную книжку. Мне тогда было лет 14, но я помню его наизусть и теперь.

«Вот первый луч, собрат луча второго, подрагивая, сохнет на стене…

Вот первое младенческое слово спросонья просыпается во мне…

Удел мой светел, путь еще не начат, вот он – прекрасный миг…

И позовут меня, и скажут: «Мальчик!»

А я уже не мальчик, я старик».

Они совершенно изувечили мое тело, разорвали кожу, вывернули

сухожилия, выпотрошили брюшную полость, разорвали крючьями, разбили внутри все кости. Мое тело висит на дыбе, подвешенное за ребро крюком, уже мертвое. Про меня забыли, давно прошли рефлексы, сокращения мышц, кал и кровь перемешаны на полу. Они распускают узел на веревке, мои останки падают в лужу органической грязи. Из меня, прямо изнутри, из живота откуда-то, выходит маленький, белый, пушистый песик, шпиц, может, или маленькая лайка, кругленький и деловитый. Он выходит из меня, не испачкавшись кровью, виляет хвостиком и ластится к высоким сапогам палачей, лижет их огрубевшие от убийства руки теплым розовым язычком.

«Из черной резины сделана власть!» - кричит худенькая девчонка, вся в иглах, шипах, хрупкая, как маленькая пробирка с кислотой. Четыре сотни человек подхватывают ее крик и превращаются в какое-то единое месиво человеческих отбросов, океан ненависти и экстаза. Все валятся друг на друга, в несколько рядов, сверху вниз, на бетонный пол из карманов летят пистолеты, ракетницы, тесаки, заточки. Все бессмысленно, теперь все можно. Час назад у метро сильно порезали одного нашего друга, еще не ясно, выживет он или нет, все на взводе, кровь кричит и мечется. Из зала – цеха заброшенной бумажной фабрики, - люди волнами льются на улицу, перекатывают через заграждения, блокпосты, смывают своим течением всю стеклотару, доски, железные прутья, камни, которые попадаются на дороге. Бесконечная толпа течет вниз по улицам, туда, где в ночных искрах ларьков виднеется старая станция метро. Никто не верит, что это конец, никто не хочет в это верить. Ненависть. У метро никого, поток, с шумом и треском заливается под землю – под беспомощные хлопки турникетов, на которые никто не обращает внимания.

Когда большая часть народа уже спустилась на станцию, и люди держали электропоезд, в ожидании остальных, произошел тот знаменательный инцидент. Люди, порезавшие нашего друга, зачем-то снова пришли на ту же станцию метро, увидели тех, кто замешкался на входе, и начали их убивать. Нападавших было человек 30, они явно не рассчитали своих сил, - толпа, будто вакуумом, засосала их вниз по эскалаторам, прямо в самое жерло ада. Тут все, конечно, ебанулись. Началась бойня, в ход пошло все – пистолеты, газ, ножи, стройматериалы, металлические заграждения, части эскалаторов. Особенно запомнились стеклянные плафоны, - их разбивали на длинные острые осколки, - кровь полилась рекой. Поезда прекратили движение по линии, обыватели вжались в спинки кресел, когда на их

глазах людей превращали в кровавый фарш. Менты заперлись в своей каморке, выжившие бросались к ним, надеясь найти у них укрытие, им в ответ сквозь щель светило дуло автомата.

Не щадили никого, части нападавших удалось, поначалу, смешаться с толпой на станции и проникнуть в вагоны остановленных поездов. Они пытались скрыться среди обывателей – бойня зашагала по вагонам. Один уже присел на лавку между испуганными пенсионерами – его нашел Саша, Саша был пьян.

«Крот! Да это ты! Опа, пацаны, этого не трогать! Эту мразь мы возьмем с собой, Ваня, иди сюда!». В прошлом году Крот опасной бритвой раскроил Ване голову…

«Мне все равно», - на удивление спокойно отвечает тот, - это все уже не важно, делайте со мной, что хотите. У меня уже вскрыты вены, через несколько минут я умру». Действительно, тут все заметили, что вся скамья и пол под ним залиты кровью, обильными потоками хлестала она из его рукавов. Все подивились находчивости Крота, отпиздили его до бессознания и выкинули на следующей станции.

Той же ночью, больше двадцати человек улеглись на полу у меня в квартире, а я все ждал, когда мне отзвонится парень, которого мы послали в ОВД, посмотреть, что с нашими задержанными. Наконец начинает пищать мобильный, я нажимаю кнопку.

«Алло. Это капитан милиции такой-то. Мы взяли твоего пацана, теперь тебе не уйти, сейчас ты приедешь к нам сам и сдашься с повинной» - орут из трубки.

«Пошел на хуй» - отвечаю я и выключаю телефон.

В Евангелии есть такой момент, когда Иисус въезжает в Иерусалим на осленке в Вербное Воскресенье. Он просит найти ему осленка, которому нет и года и он еще привязан к матери, и хочет въехать в город, где его ожидают толпы людей, как нового царя, верхом на нем. Я недавно ездил на Афон и видел там таких ослят. Они просто очаровательные, маленькие, пушистые, почти плюшевые, с огромными глазами. Триумфально въезжать в город на таком — все равно, что ехать на мягкой игрушке. Господь как бы говорит им всем, тем, кто выстроился встречать его с пальмовыми ветвями: «Опомнитесь, зачем вы пришли, успокойтесь. Чего вам от меня надо? Вы все сошли с ума, чего вы хотите, чтобы я сделал?? идите по домам, дуроплясы!»

На самом деле, я съебался не после погромов, массовых драк в клубах и боен в метро. И не после сотен звонков, охуевших голосов, дурацких задержаний и бесконечных допросов. И не после того, как четыре или пять тяжких эпизодов наконец соединили в одно дело и

высокие чины заволновались не на шутку. И не после того, как СМИ начали беспрерывно нести безумный бред о войне группировок и подпольных военизированных организациях, а новости о нас каждую неделю достигали вершины рейтинга. И открытое письмо депутата в генеральную прокуратуру и ФСБ тоже не при чем.

На Рождество друг пригласил меня на хиппи елку. В теплом уютном клубе в полуподвале собралось полно народу: мамаши с детьми, все нарядные, в бахроме, самодельных платьях, везде детский визг, смех. Волосатые мужчины неопределенного возраста нарядились в волхвов, пастухов, апостолов, сказочников всяких. Раньше здесь гремели наши концерты, и сотни изошедших из ума людей громоздились друг на друге в неимоверной давке. Теперь тут поставили самодельные декорации, развесили гирлянды повсюду, расставили рядами скамейки и стулья. Хиппи-полигамные семейства расселись повсюду в ожидании рождественской мистерии.

Я предложил Коле встретиться именно здесь, у безобидных незнакомых людей, что в его ситуации, как мне казалось, было актуально. Он пришел уже сильно пьяный, Руслан и Алина пытались контролировать его передвижения. Я решил, что сейчас разговор не получится, да и представление уже началось, и оставил их отдыхать в прихожей на скамеечках.

Хиппи были, как всегда, бредовыми, восторженно лепетали что-то, делали чувственные пассы руками, пели под гитару, как полагается. Все было нище, убого, бессмысленно и немного безумно, как всегда, когда сорокалетние люди хотят вести себя, как дети. Тем не менее, самим детям, в смысле, настоящим, все это казалось довольно забавным, они смеялись и ползали прямо под ногами у актеров. В середине спектакля женщина средних лет, одетая в самодельные древние наряды и игравшая Святую Деву, вышла на середину зала и проникновенно сообщила нам страшную новость: кровожадный царь Ирод приказал своим солдатам избить всех младенцев в Вифлееме. В этот момент дверь в зал распахнулась, и, разрушая декорации, наступая на головы актеров и детей, в помещение вывалился Коля. Одной рукой он держал за космы здорового хиппи в одежде персидского царя, другой он избивал его наотмашь. Тот неумело сопротивлялся и, в конце концов, упал на зрителей, повалив остатки декораций, вместе с ним туда же повалился и стокилограммовый Коля.

В этот момент что-то упало и внутри меня. Я автоматически перепрыгнул через головы охуевших мамаш, автоматически начал вытаскивать и заламывать Колю, автоматически выталкивал его из

клуба. «Сказочек захотелось?? Сказочники ебаные! Будет вам сейчас сказочка, все кровью умоетесь, поняли!» - орал Коля с безумными глазами в зал, пока мы с Русланом его вытаскивали. Оказалось, тот мужик как-то грубо с ним заговорил, что-то не так сказал, ну, собственно, и получил свое. Потом Коля выловил этого мужика после конца вечеринки и заставил его жену заплатить ему 1000 рублей моральной компенсации, которую сразу пропил с подоспевшими пацанами. К тому времени я уже уехал.

Эта сцена надолго осталась в моей памяти. Хорошо, они никакого ребенка не задавили. А упало во мне что-то в тот момент от тоски, конечно же. Потому что во всем этом, в каждом ударе Колиной руки, была неизбежность, фатальность, предсказуемость. Это должно было случиться, я ожидал этого в душе – и вот оно, перед моими глазами. Господь сказал мне – все, хватит. Это было так же дико и неотвратимо, как все наши действия за последние годы. Это был какой-то пиздец.

Мы стоим все в зале ожидания у всех нервное, приподнятое настроение, как мы все любим. Только близкие, приехали еще те, кто хотел выдать беглецам денег. Собрали не так много, но им должно хватить – на другой стороне их ждет полно народу, полным полно хороших людей. Купили билеты по чужим паспортам, в сидячем вагоне никто не заметит. До поезда еще есть время, никто не пьет, мы просто стоим, все вместе, и вспоминаем всякое смешное из жизни. Это такое приятное ощущение, что-то большое заканчивается, новое начинается, предвкушение приключений, новый шаг в жизненной карьере. Вверх-вниз, хорошо, когда не болезненно.

Подают состав, мы идем к вагону. Последние адреса, телефоны, условия, пароли, шутки, сплетни. Увидимся в Новом году, благо, путь недалекий. Все, проводили.

Мы с Русланом идем по ночному перрону обратно к вокзалу. Холодно, и светло от ярких ламп и ларьков.

«И ты теперь скоро…»

«Да, и я через недельку, наверное. Знаешь, это как последние секунды хорошего приключенческого фильма. Затухающий кадр, пейзаж, умиротворяющее что-то, музыка приятная. Вот-вот, и опустится темнота, и медленно поползут вверх титры».

Падал крупный снег, ночь. Я стоял на лестнице у здания терминала пограничного контроля и смотрел, как медленно падают снежинки. С другой стороны, - я стоял уже с другой стороны. Господи, они выпустили меня, все кончено. Ну, в принципе, они и должны были меня выпустить, я не находился в федеральном, ни в каком розыске не

находился. Но все это, все, что оставалось позади, выглядело достаточно устрашающе, я был очень рад. Симпатичная девушка за пуленепробиваемым стеклом поставила мне в паспорт штамп, я сделал несколько шагов и оказался здесь, на улице, на свободе. В открытом космосе. Он был теперь весь передо мной, темный, холодный, уходящий в бесконечную даль, а у меня с собой была только сумка с вещами и всего один телефонный номер на всю галактику. Никаких денег, дел, связей, ничего, в начале создал Бог небо и землю. Большое приключение.

«Покинь землю Египетскую, ибо там мрак» - сказал мне Он, и я, с облегчением, повиновался. Где-то далеко позади, в тысяче километров отсюда, мне вслед рвался огромный тысячеголовый зверь, миллионы его глаз искали меня, тысячи зубов хотели меня схватить. Теперь он дышал мне в затылок, я все еще чувствовал его дыхание. И поспешил к подошедшему после проверки туристическому автобусу.

Впервые я увидел Леху много лет назад, он тогда уже эмигрировал, женился на иностранке, собрал новый состав своей группы и поехал с ними в тур по России. В зал, где сейчас проходят хиппи елки, набилось человек 200, никакой сцены, аппаратура стоит прямо в толпе, между людьми. В страшной толчее и духоте, между спинами людей, я видел, как голый по пояс мускулистый крепыш кричит во всю глотку и душит себя микрофонным шнуром. Он весь красный, ни то от жара, ни то от напряжения, ни то от того, что душит себя не на шутку. На плече у него синяя наколка – буддийское Колесо Дхармы, колесо твоей жизни. Я тогда подумал, что это, наверное, очень четкий человек.

Года через два – он в Москве и я, из соображений веселья, позвал его на одно мероприятие глубокой ночью. Было уже около часа, когда мы встретились в метро, мраморные колонны повели нас в священные чертоги насилия. Подъехал поезд, я вбегаю в вагон и встречаю недоумевающие взгляды людей, обреченно сидящих в другом конце. «Добрый вечер, а вот и мы!» - только и успел поприветствовать их я, как уже человек 10 начинают жестко разминать их. В суматохе я совсем позабыл, что у меня на руку наложен гипс и вспомнил об этом только тогда, когда он уже был сломан пополам. «Пра-во-сла-вны-е!» - кричит бритый парень и разбивает бутылку с мочой о голову вокалисту популярной группы. У музыкантов отобрали инструменты, остальных просто отхуячили. Леха не понравилось – толчея, суматоха, только и успел дать кому-то «леща». А вообще-то он был в свое время чемпионом по джиу-джицу по волгоградской области.

Леха – русский солдат. Даже скорее красный боец. На деревянных

обшарпанных стенах висят ковры, балалайки, советские плакаты, униформа летчика, мента, ушанка, на полу разбросаны упаковки из под папирос «Прима ностальгия», бутылки из под водки «Борис Ельцин». Патефон играет фокстрот, мы топим печь, варим щи-борщи, пьем разведенный эстонский спирт и чифирь из граненых стаканов с подстаканниками, потом, пьяные начинаем орать «По диким степям Забайкалья» и «Вот сижу опять в тюрьме». Блатата-кириллица, русский стайл. Леха уехал из России уже много лет назад, женился, развелся, учился на режиссера, снял богоборческий художественный фильм, работал Лениным в музее Ленина, работал переводчиком на вагоностроительном заводе, был футбольным фанатом местной убогой команды и пел блатные песни и романсы в местной фокстрот-ретро банде. Сто лет назад у этой печи хозяйничала аккуратная мать семейства, жена какого-нибудь рабочего со сталелитейного завода, теперь у ее очага развалились на самодельных нарах два иммигранта, а из старинного патефона, оставленного ей, орет во все горло «Яблочко». «Раскрывай нам Суоми-красавица половинки широких ворот!»

В те холодные бесконечные вечера, в сотнях километров от дома, я думал, что это неплохой конец хорошей книги с приключениями. Мы ходили в старинную русскую баню по соседству, еще царской постройки, банщик натапливал ее после закрытия, в ночи. Мы бухали с ним, водили туда дам, дрались друг с другом в чаду, пили водку и играли на баяне. Я лежал на полке в парной, пьяный, развалившись на женских телах, и думал – наверное, я умер.

До того месяца, когда я съебался, я не пил больше трех лет. Леша тоже, до того как уехал из России, не пил лет пять.

«Тут все по-другому. Очень скучно, если не пить, можно покончить с собой».

«Все эти люди – беспомощные хиппи, все, что они делают – какие-то дурацкие игры для девочек. Все их искусство, активизм, образ жизни, ценности. Помнишь, в детстве, девочки играли в «секретики». Это такая ямка, засыпанная землей, над ней стеклышко, а внутри - бусинки и фантики. Они прятали их повсюду, а потом показывали подружкам «по большому секрету». Вот я смотрю теперь вокруг, на всех этих дураков, недоучек, студентов-молокососов, все, что они делают – такие «секретики». Фу, блять, мы всегда старались их находить и расхуячивать, когда были мелкими».

«Я думаю устроить свою жизнь по уму. Сон, зарядка, обливания, завтрак, прогулка, чтение литературы, полезный обед, революция,

спорт, легкий ужин, легкий секс, одна сигарета, сон в 11 часов». Мы сидим в деревянном полуразрушенном доме на чужбине, за окном валит снег.

«Этот дом остался один такой, он еще 19 века, раньше весь город был, как он». В таких многоквартирных деревянных домах жили семьи рабочих, которые трудились на сталелитейных и оружейных заводах в округе. В 1918 году они, вслед за русскими, тоже подняли красное восстание, вооружились до зубов, город стал центром революции. Правительственные войска побоялись брать его штурмом, вместо этого они поставили на холмах дальнобойные батареи и дотла сожгли город. Из старых деревянных построек уцелел один этот дом, он памятник истории, его не сносят, теперь в нем живут кто попало.

«Леха, а что бы ты делал, если бы снова началась война, если бы белые пришли? Ты бы воевал?»

«Да. Конечно. Я бы воевал за красных. Разумеется. Винтовка, все дела. А как же».

У Лехи есть еще татуировка на левом предплечье. Огромные синие кривые буквы «Time kills». Н набивал ее себе сам, часть струной, часть – иглами. Когда он еще жил на Волге, как раз в разгар памятных событий, в результате которых подавлять его вызывали армию, с ним сожительствовала одна девочка, она очень его любила. Они жили, не тужили, а потом у нее внезапно погиб брат случайно, и мать, очень православная женщина, убедила девочку, что это случилось за ее блудный грех с Лехой. Та покаялась и ушла жить в монастырь. Леша просто охуел, он поехал за ней, тоже жил при монастыре, упрашивал ее вернуться, но она уже была полна православного рвения и сказала, что больше не хочет его видеть. В бреду и безумии Леша вернулся в город и пошел прямиком к ее матери, орать на нее. «Успокойся, Алексей, теперь все кончено. Теперь у нее все будет в порядке. И у тебя все будет в порядке, заживет. Время лечит».

«Блядь, время никого не лечит, время только убивает!»

Потом та девочка все же вернулась из монастыря и подсела на героин. Леха тогда уже уехал из России.

Ко мне приехала Аня, расписная, как матрешка, мы сидим на веранде в тапочках, в заброшенном доме на горе. Внизу – южный город и море, идет мелкий дождь, прохладно. Мы долго молчим, мы очень рады, что, наконец, съебались.

«У одной моей знакомой была такая собака, она будто смеялась. Когда к ним приходишь в гости, она первая встречает у входа, и так радуется.. так искренне, будто смеется… Она была уже старой, и врач

сказал, что ей нельзя так радоваться, она слишком эмоциональная, так что хозяева, когда приходили гости, запирали ее, сначала, в комнате, чтобы она не очень радовалась прямо сразу. Но она все равно была очень радушной, ее будто разрывало изнутри от счастья, когда она видела людей. И, однажды, у нее остановилось сердце, так она радовалась».

Господь – пастырь мой. Он пасет меня на злачных пажитях, водит меня к водопою. Он кормит и одевает меня, я ни в чем не буду нуждаться. Он отстраняет от меня страх и искушения, отрезает от меня гнилые части, закрывает пути к отступлению. Не дает мне расслабиться, не дает мне забыться, будит меня и гонит по неведомым тропам. Он закаляет и учит меня, часто наказывает, всегда прощает. Он заставил меня пройти много верст, переступить через многое, отказаться от ненужного и забыть излишнее. Иссушает меня, делает более легким, прозрачным, умастил мое тело маслом и травами, приготовил к погребению. Теперь, даже если и пойду долиной смертной тени, не убоюсь зла, ведь Господь мой всегда со мной, Его жезл успокаивает меня, Его палица меня утешает.

Федя, конечно, был готов. Может, он был близок к готовности еще до нашей первой встречи, но к концу он уже был готов на все сто процентов. Такие люди очень любят жить, очень радуются каждому моменту, но всегда первые готовы ее потерять. Любят жить красиво и делать большие ставки.

«Вчера прихожу домой – мать вся на нервах, повесила над моей софой иконку, пьет лекарства. Говорит, ходила к гадалке, та посмотрела на мою фотографию, говорит: этот человек еще жив? Он своей смертью не умрет, его убьют очень скоро, если еще не убили». Всю ночь потом снилось, как меня режут, режут, я в поту просыпался. Ну, чего уж лукавить, понятно, такие, как мы, своей смертью не умирают».

Это он говорил еще года три назад. Потом, уже после Фединой смерти, его мать сказала мне, что ходила к гадалке не один, а четыре раза, и каждый раз та все удивлялась, что человек на фотографии еще жив, предсказывала насильственную смерть в кратчайшие сроки. Так что, Федя был готов. Но очень не хотел.

Вот так бывает. Он уже ложился спать, вдруг звонок - как обычно, уже привыкли. Он берет все свои деньги, нож, ствол, выходит из дома. У дверей оглядывается, видит – мать на кухне капает валокордин в стакан. Опять подслушивала. Садится на скутер, едет в центр в 3 часа ночи, чтобы вытаскивать ребят, всех этих пацанов, которым нет и

двадцати, из какой-то очередной безвыходной ситуации, в которой они могут умереть или сесть. Снова сегодня, как и месяц, и год назад, и все время. Он всегда так делал. Приезжал всегда первый, подбадривал, орал на ментов, совал деньги, звонил кому надо, носил передачки, стоял у отделений по всей Москве часами. Вот так, как бы, человек жил. Другой жизни у него не было. Действительно, не было. Вся жизнь в нищете, в маленькой квартирке с мамой, семьей сестры, в комнате, размером с ванную. Вся жизнь на работе в каких-то складах, на заводах, в грязных стоячках, плохой алкоголь, плохая жизнь. Много лет. У него ничего не было, кроме друзей, кроме всех тех людей, что его окружали, и которым он отдавал всегда всего себя, всего целиком, зачем-то. Верить им, доверять, жить их проблемами, жить в них – то, что он и умел, одно из не очень большого списка. Таких людей сейчас уже нет. Не помнить себя и жить полностью заботами и радостями твоих близких, в счастье и в горе... как же это... Тогда он тоже приехал непойми зачем, уже все закончилось давно, у клуба его приняли сразу менты, приехавшие с опозданием на полчаса, нашли нож, ствол. Все по сценарию. Снова его единственного забрали, как забирали уже много раз, просто потому что он оставался последним, кто думал о своем спасении. Вроде, он вообще об этом почти не думал никогда. Всегда битый, всегда первый раздавал и отхватывал. А как иначе? Он по-другому не умел. Мать говорит: "Ему было четыре годика еще, а я все смотрела не него, и такая тоска и жалость дикая меня охватывала к этому мальчику, ни с того ни сего, нечеловеческая жалость к тем страданиям, которые ему предстоит испытывать всю свою жизнь". Он страдал всегда, до конца, и умер в мучениях. Убийцы не нанесли ему ни одного смертельного ранения, они просто изрезали все его тело, все лицо, спину, руки. Он все время был в сознании и кричал, просил вызвать скорую, катался по земле, пытаясь вытерпеть страшную боль, разрывавшую все его тело. Мать, сестра, собравшиеся вокруг него соседи со всего дома, ничем не могли ему помочь, пока он кричал и хватался из последних сил за свою жизнь. Скорая приехала через 35 минут, он был в сознании до конца, испытывая нечеловеческие страдания. Если есть ад, он испытал эти муки при жизни. Не знаю, думаю, он причинил немало боли многим людям за свою недолгую жизнь. Но мне он лично запомнился в основном только той заботой, которую он нес людям, тем состраданием, которое он нес, страдая со всеми нами. Сможем ли мы когда-нибудь достойно сострадать ему? Не знаю.

После смерти Феди, через день, мне внезапно позвонил Миша. Мы

не общались несколько лет, он обиделся на нас тогда, сменил телефон и перестал появляться. Он сказал, что плакал сегодня, когда смотрел старые фотографии. «Как же все-таки это получилось… Мы же могли остановиться еще три года назад, могли остановиться в любой момент. Мы тогда собрались и долго спорили, что делать дальше, когда стало понятно, что все это – билет в один конец и возврата не будет. Мы с Колей были за то, чтобы сменить профиль, а Федя настаивал против, говорил, что нельзя это так оставлять. А что было бы, если бы мы тогда бросили? Федя был бы жив, все эти ребята были бы живы, все было бы иначе. Я все время думаю об этом».

«Да, все это очень стремно. Я каждый раз чувствую вину, когда очередной парень в Москве или где-то еще умирает. Это все очень плохо. Но, Миш, я не знаю. Я не знаю, когда надо было остановиться. И Федя не знал. Когда уже спасовать, как в покере, когда сбросить карты. В какой момент? После какого убийства? Я не знаю».

«Мы примчались к Феде домой, а там уже полно ментов, смеются, острят, лапают все. Я нерванул, начал орать на них, чуть не подрался с оперативником, те вызвали наряд, меня скрутили и повезли в участок. В машине кроме меня сидело два мента, районные, из ППС. Они еще не поняли, в чем дело, делились слухами.

«Говорят, хачи скина зарезали. Ну теперь черным в районе пиздец. Его в морг привезли, я тебе говорю, у него все тело в татуировках. Свастики, черепа, орлы, все как полагается…»

На самом деле у Феди были совсем другие татуировки. На руке – сердце, птица, бритва и надпись – «Возлюби ближнего своего».

Холод. Снег, свет, алая кровь на холодном снегу. В Москве дурачок застрелил Стаса, веселого адвоката. Застрелил, добежал до метро и перепрыгнул через турникеты, потому что его бесплатный студенческий билет не сработал… Знакомые все напокупали травматических автоматов, оформили охотничьи билеты, - мачете и боевые кинжалы «Тарзан» уже в прошлом. Всех уволили, продукты подорожали в два раза, президент говорит: мы не должны расслабляться. Уже давно пора бы расслабиться…

«Мне всегда очень нравилось путешествовать. В прошлый раз, когда я плыл на этом пароме, у меня оставалось 20 центов, я опустил их в автомат и выиграл 5 евро. Теперь у меня было всего 10 центов, я не мог даже сыграть, но судьба послал мне в попутчики мормонского пастора. Господь дает нам шансы».

«Да, точно», - соглашается Род, мой сосед по залу пониженной комфортности на огромном корабле, - «Я, со своими бутербродами,

был неслучайным попутчиком для вас, а вы, со своими занимательными рассказами о ваших религиозных паломничествах по святым местам, были неслучайным для престарелого пастора. Все это судьба, Господь дает нам шансы».

Ага, я еду домой. Все будет плохо.

«Жень, мы как хоббиты. Ну ты помнишь, там в фильме, в конце, они уплывают вместе с эльфами из мира людей в Западные земли, прощаются с друзьями… мы теперь как хоббиты…»

«Да, это очень трогательная сцена, каждый раз, как ее смотрю – слезы наворачиваются…»

Февраль 2009.